

На правах рукописи

Джалилова Масъуда Тоджидиновна

**Структурно-семантический анализ
цветообозначения в таджикском,
английском и русском языках**

Специальность: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Мухторов Зайнидин Мухторович

Душанбе - 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Цветовая лексика как объект языкознания	13
1.1. Особенности восприятия человеком цвета и отражение его в речи ...	13
1.1.1. Основные подходы интерпретации понятия «цвет»	18
1.1.2. Специфика вербализации цветовой картины мира в национально-культурном аспекте.....	22
1.1.3. О лингвоцветовой картине мира	28
1.2. Степень разработанности темы цветообозначения в лингвистике	40
1.3. Теоретические аспекты цветообозначения	52
1.3.1. К вопросу о выборе термина цветообозначения.....	52
1.3.2. Особенности классификации цветообозначений	56
1.4. Особенности коннотаций цветообозначений	59
Глава II. Структурные и семантические особенности цветообозначений в английском и таджикском языках.....	65
2.1. Частеречная принадлежность цветообозначений	65
2.2. Прилагательные цветообозначения.....	66
2.2.1. Структурные типы прилагательных цветообозначения.....	69
2.2.1.1. Непроизводные прилагательные цветообозначения	70
2.2.1.2. Производные прилагательные цветообозначения	79
2.2.1.2.1. Конверсивы	80
2.2.1.2.2. Монолексемные производные прилагательные цветообозначения	85
2.2.1.2.3. Полилексемные производные прилагательные цветообозначения (цветообозначения-словосочетания)	108
2.2.2. Степени сравнения прилагательных цветообозначения	109
Заключение	115
Библиография	122

ВВЕДЕНИЕ

Язык – это исторически сложившаяся система словесного выражения мыслей, обладающая определённым звуковым, лексическим и грамматическим строем и служащая средством общения в человеческом обществе.

Актуальность исследования. Основной задачей языка является передача информации, которая воспринимается, как известно, с помощью органов чувств, в частности, зрительного, имеющего достаточно значительное место в языке. И прежде всего, это имеет отношение к цветоощущению. На протяжении последних десятилетий наблюдается большой интерес исследователей к лексике, обозначающей цвет. Человек живет в цветовом мире и цвет тысячами невидимыми нитями связан с каждым из нас, но взаимосвязь человека с цветами является своеобразной загадкой, которая требует весьма скрупулёзного анализа и научно-обоснованной интерпретации. Прежде всего, это связано с тем, что слова, обозначающие цвет, до недавнего времени не привлекали особого внимания лингвистов. Начиная со второй половины XX века, внимание исследователей было обращено к вопросам цветообозначения, в основном, на материале отдельно взятых языков, и только в конце XX века в данном направлении появились исследования сопоставительного характера. Следовательно, результаты исследования способствовали раскрытию некоторых вопросов цветообозначения, и в этом направлении еще остаются нерешенными определенные аспекты данной темы. Несмотря на существующие исследования, определенные концепции и теории относительно вопросов цветообозначения в настоящее время проблемы лингвистической характеристики цвета остаются актуальными и до конца нерешенным научным вопросом. Исходя из этого, актуальность настоящего исследования заключается в сопоставительном анализе и интерпретации обозначения цвета на материалах таджикского, английского и русского языков.

Степень изученности темы исследования. Как известно, в последние годы исследователи различных отраслей, особенно языковеды, уделяют огромное внимание изучению лингвистических, этнолингвистических, а также лингвокультурологических особенностей цвета. Этот интерес отражается в общем оживлении стилистических исследований и связан с тем, что лексика, обозначающая цвет, стала предметом исследований большого количества общих лингвистических работ. Так, например, в результате исследования М. Люшер пришел к такому мнению, что путем исследований в лабораторных условиях можно установить характер психофизиологического воздействия отдельно взятых цветов с учетом их сочетаний на человека [112]. Как утверждают психологи, характер и проблемы человека можно определить по его индивидуальной реакции на цвета [120]. По суждению А.И. Белова, цвет является мощнейшим средством манипуляции общественным сознанием, как например, в коммерческой, политической рекламе” [20, с.57]. Как утверждает Е.В. Ковешникова, роль цвета в эстетическом плане в национальной поэтической, фольклорной традиции является неоспоримым [95, с.3]. Несомненно, цвета связаны с национальной картиной мира. Это говорит о том, что цвет является фактом реальной действительности, частью зрительных ощущений, также о цвете можно говорить как о концепте, так как “всякая вещь не только вещь, но и отношение к ней” [145, с.48]. Обычно слово выражает нечто большее, чем просто понятие. Цветообозначения, кроме “наглядного образа цвета”, передают также и “определенные эмоционально-экспрессивные оттенки” [183, с.3]. В последнее время в лингвистической литературе наблюдается тенденция к проведению концептуального анализа языковых явлений и изучению когнитивного аспекта языковой деятельности [43, 81, 146]. Исследователи кроме “понятийного ядра” слова [198, с.262], уделяют достаточное внимание и дополнительным значениям, проявляющимся на всех уровнях языковой системы, для выявления концептуальных особенностей цветообозначений, необходимым является изучение

реализации понятия “цвет” в языковой картине мира. Антропоцентрический подход к изучению, когда в качестве объекта исследования выступает художественное произведение, дает возможность не только выявить денотативное или предметно-понятийное значение цветообозначений, но и проследить формирование дополнительных значений или коннотацию. Коннотация является эмоциональной, оценочной или стилистической окраской языковой единицы узуального илиokkaзионального характера [198, с.236], то есть является любым эмотивно окрашенным элементом содержания [27, с.134]. Коннотация проявляется лишь во время активного человеческого познания, причем “активность проявляется в избирательности отображения свойств объекта” [183, с.42]. Как известно, процесс познания у человека начинается с самого раннего детства. В процессе взросления происходит модификация понятий, в том числе и понятия “цвет”. По мнению некоторых ученых, “концепты” существуют независимо от языка, на более высоком уровне, противопоставляя семантическое и концептуальное значение [203, с.124]. Другие ученые считают, что язык не может существовать вне познания, и речевая деятельность – разновидность когнитивной [27, с.147]. По предположению третьих существует обратная зависимость – влияние языка на формирование концепта. Как они говорят, “мы бессознательно переносим установленные языком нормы в область опыта...” [210, с.172]. Можно сказать, что языковая и когнитивная сфера человеческой деятельности находятся в паритетных отношениях. Концептосфера весьма специфично реализуется в речи, находя отражение в языке.

Последние годы вопросы цветообозначения рассматриваются в рамках проблем межкультурной коммуникации и, как считают многие ученые, особенности цветообозначения в разных языках тесно связаны с культурной и в целом социальной средой, а также с теми ценностями, которыми вооружены представители конкретной культурной и социальной среды. Как считает С.Г. Тер-Минасова, “Между языком и реальным миром стоит человек. Именно человек воспринимает и осознает мир посредством органов

чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка” [165, с.40].

Само понятие «цвет», которое является средством выражения духовно-нравственной жизни людей, вбирает (впитывает) в себя этнографические особенности, историю, обычаи и обряды, образ жизни народов. Исследование мира цветов имеет важное теоретическое и практическое значение в освещении и изучении истории определенного народа, его языка и связей с окружающим миром, другими народами. Развитие языка на каждом историческом этапе может отражаться цветообозначениями и их особенностями, так как цветообозначения могут раскрывать многие этнографические и другие специфические особенности жизни и быта того или иного народа. Следовательно, лингвистика цвета и цветообозначения как направление постепенно приобретает в лингвистических исследованиях все более явные границы очертания. Такое долгое изучение и исследование лексики цветов привело к формированию специального концептуального поля и аппарата, а также способствовало формулированию комплекса научных вопросов и направлений, которые дают основания для перспективных задач в теоретическом освоении данного лингвокультурного феномена как цветообозначение. При восприятии разных цветов всегда может присутствовать определенная аксиологичность цветообозначения. Поэтому можно сказать, что аксиологичность в отношении восприятия цвета существует в обширном этнолингвистическом пространстве как отражение своеобразного мироощущения человека.

Следует отметить, что каждый исследователь может представить свою индивидуальную гипотезу в отношении понятия «цвет», который рассматривается как самостоятельное семантическое и языковое явление. Реальные цвета, на которые ссылаются в различных областях науки, весьма далеки от живого восприятия. Имена цветов достаточно активно функционируют и в таджикском языке. Поэтому можно сказать, что слова,

обозначающие цвет, уже давно привлекли внимание лингвистов и филологов в целом. Прежде всего исследователи пытаются ответить на вопросы о том, что обозначает понятие «черный», что обозначает «белый», какое значение у понятия «красный» и т.д. Другими словами, исследователей интересует вопрос о том, каким образом цветовые категории отражаются в сознании человека. Общеизвестно, что в каждой культуре значение одних и тех же цветообозначений различны. Как отмечают Б.Берлин и П.Кей, в языке коренного населения Новой Зеландии, маори, наблюдается более чем ста оттенков красного, которые обычно определяются как «красный» [201]. В качестве другого примера можно говорить о том, что английскому **blue** в русском языке соответствуют термины «синий» и «голубой», поэтому можно сказать, что носители английского и русского языков, когда произносят эти слова, могут иметь в виду разные цвета, хотя это не нарушает процесс коммуникации во время перевода. Слова- цветообозначения в разных языках за собой имеют обширный информационный потенциал, который представляет собой достаточно сложную многоуровневую и разнообразную цветовую символику. На протяжении всей истории люди изучали различные символы и знаки, которые способствовали распознаванию, пониманию, восприятию определенного явления. Цвета в качестве символов и знаков направляли людей, информировали их в определенной области науки и познания. Наряду с этим, цвета применялись в символике и в выражении понятий с древнейших времен. Значения разных цветов и их ассоциаций отличаются в разных сообществах и культурах. В книге под названием «Этимология знаков и символов» представлены все существующие разнообразные символы, начиная от самых простейших до самых сложных, к которым относятся также и цветовые символы. Поэтому проблема употребления и функционирования слов, обозначающие цвета, как в языке, так и в сознании человека не может ограничиваться только в рамках лингвистических исследований. Попытки выявления особенностей цвета предпринимались и в психологии, и в других смежных науках. Достаточно

сложно предположить, что «чутье» и мир чувств одного простого человека, и даже специалиста, лингвиста, не всегда может служить в качестве эталона, который верно отражает коллективное, социальное, лингвоэтническое миропознание носителей определенного языка. Несомненно, слова, обозначающие цвет, представляют собой определенные субъективные ощущения, которые испытываются в результате экспериментов, и они реализуются в языке тогда, когда сознание человека полностью может обработать полученную информацию. Следует особо отметить, что изучение данного раздела языка традиционно относится к части семантических исследований. Наряду с этим сложно оставаться в рамках собственно языкознания, так как большое количество работ в данной области написано в рамках других наук, которые устанавливали с языкознанием многочисленные корреляции.

Таким образом, в последние годы цвет рассматривается в плане сопоставления языков, постепенно изучаются этимологические особенности отдельных языковых единиц, обозначающие цвета, а также лексико-семантические особенности данной группы слов в творчестве писателей и поэтов на материале разноструктурных и разносистемных языков.

Цель диссертационного исследования заключается в описании лингвистической характеристики цвета и цветообозначения в таджикском, английском и русском языках, и на основе этого определить языковые средства и способы цветообозначений в исследуемых языках на материале художественной литературы. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- определение более удачных терминов для цветообозначений;
- анализ различных подходов к понятию “цвет”;
- определение роли цвета и языкового цветообозначения в сопоставляемых языках;
- определение места и роли цвета и цветообозначения в языковой картине мира таджикского, английского и русского языков;

- сплошная выборка слов со значением цвета в контексте художественной литературы;
- определение функций цветообозначения в анализируемых текстах художественной литературы;
- классификация цветообозначений по принципам их образования;
- выявление, по возможности, сходств и различий цветообозначений в сопоставляемых языках;
- выявление соответствия и несоответствия цветообозначающей лексики в исследуемых языках;
- составление более полного перечня цветообозначения в таджикском, английском и русском языках;
- установление и определение степени употребления морфологических групп в цветообозначении таджикского, английского и русского языков.

Методология и методы исследования. Методологической базой диссертационной работы послужили труды ведущих представителей зарубежного, русского и отечественного языкознания Б.Берлина, П. Кей, Л. Блумфилда, Э. Рош, А.А. Брагиной, А.П. Василевича, Ф.Н. Шемякина, Н.Б. Бахилиной, Л. Качаева, А. Вежбицкой, И.В. Макеенко, Д.Н. Борисовой, М. Атоевой, М. Назировой, Ш.Ф. Зоолишоевой, К. Шукуровой, В. Охониёзова.

В ходе выполнения исследования нами были использованы следующие методы: описательный, сравнительный методы при сопоставлении языковых картин мира, а также методы сплошной выборки, прототипного и компонентного анализа.

Материал исследования. Основным источником при написании диссертации послужила составленная нами картотека в объеме более 2000 слов, собранных из таджикских, английских и русских толковых и двуязычных словарей и глоссариев, художественных произведений таджикских, английских и русских писателей и поэтов.

Предметом исследования послужила совокупность слов и словосочетаний, выражающее цвет в сопоставляемых языках.

Научная новизна. В данной диссертационной работе впервые рассматриваются параллели таджикско-англо-русских цветообозначений в плане сопоставления. Впервые исследуются структурно-семантические соотношения цветообозначений, определяется степень частотности отдельного разряда цветообозначающей лексики и выявляются их основные содержательные категории в сопоставляемых языках, что дает возможность определить их специфику и трудности в межъязыковом переводе.

Теоретическая значимость данной работы заключается в разработке теоретической концепции цветообозначений и в составлении более полной классификации слов-цветообозначений, которые используются в речи сопоставляемых языков. Результаты проведенного исследования помогут в решении многих проблем общей системы семасиологии и лексико-семантической особенности цветообозначений. Полученные выводы могут быть использованы при проведении новых фундаментальных научных исследований по вопросам типологического, сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке теории и практики сравнительно-сопоставительных и типологических исследований, в исследованиях по смежным отраслям гуманитарных наук, материалы диссертационного исследования могут быть использованы при чтении лекций по дисциплинам: общее языкознание, этнолингвистика и лингвокультурология. Материалы исследования также могут быть использованы при разработке курсов лексикологии и сопоставительной грамматики; при переводе и более точной передаче цветообозначений в сопоставляемых языках; при разработке учебных материалов спецкурсов и спецсеминаров, практического курса английского, русского и таджикского языков как иностранных, при составлении словарей и учебных пособий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Существует три пути возникновения цветообозначений. Первый путь возникновения – прямое (цветовое) значение слова перерастает в переносное, нецветовое, но при этом психологически и эмоционально связанное именно с восприятием цвета. Вторым путем возникновения заключается в том, что прямое и нецветовое значение перерастает в переносное цветовое значение. К третьему пути относится переход цветообозначения из одной сенсорной модальности в другую, которую называют языковой синестезией.

2. Цвет является компонентом культуры, он окружен сетью ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей и все это происходит, прежде всего, посредством языка.

3. Каждый носитель языка воспринимает и воспроизводит цветовую картину мира в рамках целой языковой картины мира и при этом основывается не только на абсолютном цветовом, но и на своем ощущении от восприятия того или иного цвета.

4. В языках с близкими языковыми картинами мира восприятие цветообозначений также является близким, но не идентичным.

5. Анализ структурно-грамматических и семантических особенностей цветообозначения обнаруживает разнообразие структурных и лексико-семантических типов в сопоставляемых языках. Способ формирования семантики цветообозначения основывается на максимально обобщенном представлении видов цветообозначения.

6. В сопоставляемых языках существуют как общие, так и отличительные свойства лексики цветообозначения, их пути и средства формирования.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 8 статьях, 3 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Материалы

исследования также рассматривались на теоретических и научно-практических конференциях (Худжанд, 2010 - 2015).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы. Текст диссертации иллюстрируется таблицами.

ГЛАВА I. ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1.1. Особенности восприятия человеком цвета и отражение его в речи

Мир, который окружает человека, многообразен. Человек обладает способностями распознавать различные звуки, формы, вкус, запахи. Значительную часть возможностей зрительного восприятия человека составляет его способность различать цвета.

Человек одарен прекрасным даром от природы – способностью видеть окружающий мир во всей красе, расцвеченный радужными цветами. Люди воспринимают это чудо как явление привычное и уже не удивляются ему. Как принято, цвет считается объективным свойством самого предмета. Так или иначе, цвет обычно воспринимается человеком как цвет предметов.

Человек в своем жизненном опыте почти никогда не имеет дело с чистым цветом. Он видит именно предмет какого-либо цвета (например, желтый лист, красный цветок, синее небо, белые облака и т. д.), а не просто какие-либо цвета в отдельности. Человек практически не может отделить цветовую информацию от той информации, которая ее сопровождает, от информации контраста, в котором он воспринимает цвет.

Цвет способен давать человеку значительную информацию о предметах и явлениях. Например, именно по цвету мы судим о том, насколько спелыми являются фрукты или ягоды (обычно красные – спелые, зеленые – неспелые), или насколько здоров человек (красные щеки говорят о том, что человек здоровый). Можно сказать, что цветовой компонент присутствует во всех сферах человеческой деятельности.

Нередко наблюдалось, что у людей их физическое самочувствие, их эмоции и даже настроение напрямую зависит от цветового воздействия. «Различение цветов является для нас и источником эстетических

переживаний; ...общее эмоционально положительное отношение к многообразию цветов нашло себе выражение и в обычном для нас отождествлении в речи «содержательного», «приятного» с «красочным». Мы говорим, например, «красочная» жизнь, противопоставляя ей жизнь «серую» [101, с.6].

На основе личного зрительного опыта в течение многих лет жизни у человека формируется понятие о цвете как о свойстве объектов окружающей действительности. В человеческой речи понятие о природе цвета отражается в течение его бытовой действительности, образуя различные словосочетания с цветовыми прилагательными: «голубое небо», «алый цветок», «белое платье», «красные щеки» и т.п. «То есть цвет определяется как внешнее свойство объекта, как физическая его характеристика, аналогичная весу, плотности, материалу, из которого сделан объект. Совершенно так же мы относимся и к световому излучению. Мы говорим: «яркий свет прожектора», «голубой свет луны», «тусклое мерцание звезд», «красный свет светофора», определяя свет и цвет как характеристики источника излучения» [78, с.7].

Природа является великой загадкой, и конечно неправильно соотносить цвет только с предметами окружающей действительности. «Рассуждая о цвете, полезно мысленно разделять два аспекта – физический и биологический. Результат смешения красок – это предмет физики; смешение же световых лучей – в основном вопрос биологии» [179, с.169].

Как всем известно, при наложении желтой и синей красок получается зеленый цвет. А наложение лучей синего и желтого цветов, в отличие от наложения синей и желтой красок, дает белый цвет. В своей работе Д. Хьюбел указывает на «взаимное уничтожение», когда при смешении в надлежащих пропорциях красного и зеленого или синего и желтого, происходит полное исчезновение цвета, и возникает ощущение белого цвета [179, с.180].

По мнению Ч.А. Измайлова, «Научный опыт убеждает, что действительная природа явлений... всегда оказывается более сложной, чем

это следует из непосредственных наблюдений. Познать природу явлений можно только путем научных экспериментальных исследований. Поэтому нет ничего удивительного, что и представления о природе света и цвета, основанные на обыденном опыте, оказались... несостоятельными» [78, с.8].

Представление о цвете, которое окружает человека с самого рождения, и особенности восприятия окружающего мира тесно связаны. Дж. Лакофф считает, что цвета в объективном мире нет вообще, о чем излагает в своей работе «Женщины, огонь и опасные вещи». С его точки зрения, цвет является субъективной категорией, которой в природе не существует: «...было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют «в мире», внешнем по отношению к человеческим существам. По крайней мере, некоторые категории воплощены. Например, цветовые категории детерминированы одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами» [107, с.166].

Такой же точки зрения придерживаются И. Рок и Ч.А. Измайлов, которые считают важным различать физические и биологические особенности цвета. «Качественное отличие воспринимаемого мира от мира, описываемого физикой, очевидно при рассмотрении таких восприятий, как цвет, вкус, запах или высота звука. Там, где физик указывает на электромагнитные колебания волн различной длины, мы воспринимаем красный, зеленый, синий и др. цвета. Суть в том, что цвета и звуки не существуют иначе, как в восприятии живых существ» [149].

Далее в работах вышеназванных ученых можно заметить в поддержку данной гипотезы и другие интересные и ценные идеи. Например, при рассмотрении взаимоотношений между разными по составу физических особенностей лучами света и вызываемыми ими цветовыми ощущениями, известный английский ученый Исаак Ньютон считал, что цвет является атрибутом восприятия. Для такого восприятия необходим наблюдатель, который способен воспринять лучи света и одновременно дать их

интерпретацию как цвет. «Ньютон первый экспериментально доказал, что цвет – это свойство нашего восприятия, и природа его в устройстве органов чувств, способных интерпретировать определенным образом воздействие электромагнитных излучений» [78, с.15].

Опираясь на вышесказанные идеи, можно дать такое объяснение явлению цвета: в окружающем мире человека существуют волны определенной длины, некоторые из которых становятся цветными лишь благодаря человеческому зрению. Однако не все люди обладают полноценным цветовым зрением. По данным мировой статистики, на земном шаре страдают разного рода расстройствами цветового зрения около 130 млн. человек. Чаще всего это наблюдается у мужчин – примерно 2% мужчин имеют какие-либо дефекты цветового зрения. У женщин они встречаются сравнительно редко – не более чем у 0,5 %. Наиболее распространенной является красно-зеленая слепота, или дальтонизм, при которой не отличают красных тонов от зеленых [72, с.75]. Итак, нельзя исключить ту возможность, что один и тот же цвет может восприниматься разными индивидами по-разному, преломляясь в сознании, и, следовательно, в их речи это может быть обозначено разными средствами. Например, знаменитый английский ученый Дальтон, чьим именем было названо нарушение цветового зрения – «дальтонизм», поражал своих друзей тем, что никогда не находил в лесу красных ягод рябины [Dalton, 1808]¹. Они ему казались зелеными. Как излагает В.А.Маслова: «Во все времена ученые бились над разгадкой проблемы цвета. Последние исследования в этой области показывают, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор, причем у каждого свой, поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, но воспринимать его цвет по-разному. А наблюдения над людьми со стойкими поражениями головного мозга обнаружили, что понятия о цветах, слова, выражающие эти понятия, и связь между понятиями и

¹ <https://archive.org/details/newsystemofchemi01daltuoft>

словами зависят от разных его систем, прежде всего от головного мозга» [122, с.105].

Автор объясняет эти факты таким образом, что различия в эмоциональных реакциях на цвет в разных культурах имеют свои определенные особенности. Например, зеленый цвет в Соединенных Штатах является сигналом безопасности, в то время как во Франции зеленый цвет ассоциируется с преступлением или проступком против чьих-то интересов. У китайцев белый цвет является символом траура, печали, тогда как у европейцев эти функции выполняет противоположный белому черный цвет.

Поэтому, цветовой язык человека можно считать ментальным эффектом по своей природе и соответственно за цветом люди всегда видят определенные смыслы и значения.

Человек имеет способность видеть природу и окружающий мир в радужном цвете и, создающим им новым объектом, цветом познается не только форма, но и эти формы наделяются цветовыми качествами и своеобразными значениями. Цвет всегда имел большое значение в культуре человечества, имея тесную связь с эстетическим и философским осознанием мира.

Поскольку не иссякает интерес к колоронимам и цвету, количество исследований в разных научных областях, так или иначе связанных с данной тематикой, увеличивается в поступательном темпе. Проблемой цветообозначения и цвета занимаются многие науки, такие как, например, языкознание, психология, философия, этнология, а также ряд других смежных наук, как психосемантика и этнолингвистика. «Трудно назвать такую область культуры, где цвет не играл бы более или менее существенной роли» [127, с.172].

1.1.1. Основные подходы к интерпретации понятия «цвет»

Явление цвета является предметом изучения многих фундаментальных наук и составляющим многих искусств. Несмотря на это, цвет до сих пор не имеет общего определения ни в пределах какого-либо направления или одной науки, естественно-научной или гуманитарной, ни в художественном творчестве. Так, значимость цвета остается актуальной.

Как считают ученые физики, цвет является особым качеством поверхностей тел или всей массы, которые оцениваются глазом после того как на сетчатку подействуют световые лучи, распространяющиеся от данных поверхностей или сквозь тела к глазу. Цвета могут быть естественные, например, цвета природных тел (красное дерево, золото, медь, слоновая кость, малахит), и искусственные – с помощью наложенных на поверхность тела красок или особых тонких прозрачных и прочных плёнок.

Исаак Ньютон, работая над разложением пучка солнечных лучей посредством стеклянной призмы в радужной световой веер (спектр), смог доказать, что лучи, которые образуют солнечный свет, имеют в следующем известном порядке цвета: красный, оранжевый, желтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Некоторые исследователи добавляют к ним ещё розовый и лиловый, и три ахроматических – черный, белый, серый. О порядке расположения цветов говорит известное искусственное изречение, придуманное для запоминания: «Каждый охотник желает знать, где сидят фазаны» [72, с.74].

В энциклопедическом источнике под названием «Энциклопедии: Полиграфия от А до Я» мы находим следующую дефиницию: «Цвет – это качество потока излучения в видимой для человека части спектра, одно из свойств объектов материального мира, воспринимаемое как зрительное ощущение» [222, с.103].

По П.А. Флоренскому, «Цвет – это собственное свойство самого предмета. Иначе говоря, это и отношение предмета к окружающему

пространству, и внутреннее функциональное свойство предмета» [175, с. 311].

С точки зрения психологии, цвет является одним из ведущих факторов влияния среды. В своей книге «Пределы наших возможностей» А.И. Исомиддинов делится мнением основателя института технической эстетики во Франции Жака Вьено и отмечает, что: «Цвет может родить свет успокоения и возбуждения. Он может создать гармонию и вызвать потрясение, от него можно ждать чудес, но он может вызвать и катастрофу» [83, с.41].

Как пишет далее в своей книге А.И. Исомиддинов: «Цвет может стать индикатором состояния здоровья человека» [83, с.35]. Основоположником цветного тестирования психо-эмоционального определения состояния человека является М. Люшер [112]. По тому какие цвета человеку нравится, он определял тип его темперамента.

Цветовые ощущения считаются как специфическая реакция глаз и мозга на частотные световые колебания. Мир бесцветен, цвета в природе нет, есть впечатления о некой реальности, представимые в цветовых ощущениях. Вследствие этого реальность цветового ряда «является кажущейся» [130, с.76].

Физиологи выявили, что зрительные центры правого и левого полушарий занимают разными функциями. Цветовые модели, которые создаются правым и левым полушарием мозга, абсолютно разные [83, с.27]. Полушария головного мозга «предпочитают» различные части спектра и выдают принципиально разные результаты:

1) от природы на длинноволновую часть спектра (красный) ориентировано правое полушарие и оно выдает цветовую картину, которая связана с чувственным восприятием;

2) на средневолновую часть спектра (синий) ориентировано левое полушарие, выдает цветовую картину, которая связана с понятийным комплексом.

Цвет дает возможность логически и чувственно-образным способом познать мир. Эта особенность цвета является важной и для осмысления языка с точки зрения философии, потому что в таком случае цвет рассматривается как перевод чувственно-образного мышления (невербального) на уровень вербального.

А также, психологи связывают цвет с эмоциями человека: цветовой микроклимат способен изменять настроение, самочувствие, аппетит, слух, работоспособность и другие функции организма. В цветовом пространстве каждая эмоция имеет свое определенное место, т.е. определенная эмоция может соответствовать определенному цвету, и каждый цвет может вызвать у человека определенные эмоции. Например, как пишет в своей книге А.И. Исомиддинов, психологами доказано, что красивый цветовой климат, созданный дизайнерами и цвето-психологами, улучшает производительность труда. И даже цвет бумаги, на которую смотрит человек, пишет, читает, действует на него помимо его воли, то благоприятно, то угнетающе [83, с.45]. Несмотря на то, что в цветовосприятии разных этнокультур можно увидеть наличие общих принципов, наблюдаются различия в ценности и семантике отдельных цветов и цветовых тонов, а также в их словообразовании. Например, цветовую триаду можно наблюдать во многих культурах. Почти во всех культурах цветовая триада «красный – белый – черный» сводится к одному семантическому узлу «рождение – жизнь – смерть». Названные выше цвета варьируются в разном значении в зависимости от этнонациональной принадлежности культур. Так, в некоторых странах запада чёрный цвет является символом смерти, белый цвет символизирует рождение (в то время как в некоторых восточных странах, например, в Китае или Индии, белый цвет ассоциируется со смертью), а красный является символом жизни.

В рассуждениях Д. С. Лихачева мы видим следующее: «Есть в природе признаки, указывающие на существование внеприродного и внечеловеческого сознания. Сочетания цветов в нетронутой человеком

природе всегда эстетически приемлемы... Пейзажист открывает вольно или невольно красоту, создаваемую надприродным сознанием, которое в этом случае мы должны признавать» [109, с. 5 – 6].

Оставим в стороне вопрос о надприродном создании и обратим внимание на эстетичность самой природы, поставляющей нам цветоощущения, без которых для человека мир казался бы бледным, бесцветным, серым.

Тщательно изучая цвет, мы можем поставить вопрос о колорите той или иной эпохи или времени. Каждой эпохе присущи свои краски: иногда они сверкающие и яркие, иногда мрачные и бледные. Особенно поэты и писатели очень тонко чувствуют эпоху или время и воспроизводят его, показывают его колорит в своих произведениях.

Например, гениальная русская поэтесса Марина Цветаева использовала цветообозначающую лексику в своей книге «Лебединый стан», чтобы передать политическое состояние страны во время страшного кровавого исступления, гражданской войны, в итоге которой гибнут свои же русские люди, которых примиряет лишь смерть.

Белый был – красным стал:

Кровь обагрила.

Красным был – белый стал:

Смерть побелила².

Итак, согласно рассмотренным выше определениям, цвет является качеством или свойством предметов, который вызывает определённые зрительные ощущения. В некоторых дефинициях цвет рассматривается только с точки зрения физики. Например, в словаре по естественным наукам, в полиграфическом словаре-справочнике, по нашему мнению, не полностью раскрываются понятия этого явления, потому что вместе с физической стороной цвет включает в себя и психологическую сторону, что также имеет немаловажное значение. Также представляется односторонней

² <http://antology.igrunov.ru/authors/tsvetaeva/tsvet-1.html>

психологическая интерпретация цвета, данная, например, Г. Тонквистом, С. О. Упоровой и Д. С. Лихачёвым.

По нашему мнению, дефиниция цвета в трудах вышеназванных ученых раскрывает данное понятие в разных аспектах и представляется достаточным для предпринимаемого нами исследования и, следовательно, эти дефиниции, которые рассмотрены нами в данном разделе, принимаются как рабочее определение цвета.

Итак, можно сказать, что цвет является качественной субъективной характеристикой электромагнитного излучения оптического диапазона, которая определяется на основе возникающего физиологического зрительного ощущения и зависящая от ряда физических, физиологических и психологических факторов. Индивидуальное восприятие цвета определяется его спектральным составом, а также цветовым и яркостным контрастом с окружающими источниками света, а также несветящимися объектами. Очень важны такие явления, как метамерия, особенности человеческого глаза и психики.

1.1.2. Специфика вербализации цветовой картины мира в национально-культурном аспекте

В данном параграфе мы рассмотрим то, как цвет может отражаться в сознании людей разных культур, номинируясь в их языках. Также целью этого параграфа является выявление семантики «название цвета» для человека, как происходит «ментальная репрезентация цветового образа на базисном уровне категоризации» [145, с.61], можно ли определить общие направления в трактовке восприятия цвета, какую роль играют ассоциативные признаки в модуле понимания.

Американские ученые П. Кей и Мак-Даниел предположили, что семантические категории цветообозначений должны определяться через нейрофизиологические реакции. По мнению А. Вежбицкой, вопрос о

физиологии восприятия имеет мало отношения к вопросу о цветовой концептуализации. Физиология цветового восприятия («видения») едина, а цветовая концепция для представителей разных культур неодинакова. «То, что происходит в сетчатке и мозгу, не отражается непосредственно в языке» [43, с.234].

Данную выше мысль может подтверждать ряд экспериментов, которые были проведены этнопсихолингвистами А. А. Залевской и А.И. Беловым. Исследуя универсальные признаки семантики цветов, ученые пришли к тому выводу, что национальные особенности проявляются на всех уровнях описания [114, с.20].

Основным тезисом гипотезы Сепира-Уорфа является утверждение о том, что разные языки (и представители разных культур) сегментируют действительность по-разному. Все исследования в этнопсихолингвистике сводятся к констатации известного факта: представители разных народов мыслят специфически [210, с.182].

Несмотря на то, что каждый народ имеет свое представление о картине мира, существуют такие общие ценности для всех народов, как, например, дом, семья, жизнь. И все эти названные ценности и являются составляющими национального образа или модели мира.

Языковая система восприятия цвета отличается от научной тем, что она является более антропоцентричной и, как мы можем описать цвет конкретного объекта, так и могут повлиять наши слова, подобно физическим и психологическим законам восприятия.

С древних времен у каждого народа одним из средств осмысления мира являлся именно цвет. Он был обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке, но цветовые образы со временем потеряли свои познавательные значения и вместо них, приобретая духовное и эстетическое значение, цвет стал выражать внутренний мир человека.

Символика цвета имеет давнюю историю. С древнейших времен людьми придавалось особое значение языку красок, которое нашло свое

отражение в древних мифах, сказках, народных преданиях, различных мистических и религиозных учениях. Так, цветам в восточном представлении покровительствуют планеты. Это отражено в русском переводе стихов всемирно известного поэта X века нашей эры Амира Хусрава Дехлави:

Правитель, в любом понимающий деле,
Цвета эти связал с днями недели
Субботному куполу зодчий придал
Цвет черный Сатурна – планеты Зухал,
Воскресный окрасил по воле Нумана
В цвет солнца, в тона золотые шафрана,
А маковка третья была зелена,
Поскольку царит в понедельник луна,
Багряным был купол четвертой из башен
В цвет вторника, в плащ Бахрама окрашен,
К среде приурочен сиреневый тон,
Поскольку планетою Тир порожден,
Четверг соответствовал цвету синдала,
Звезда Муштари этим цветом сияла,
А связанный с пятницей – купол седьмой
Под знаком Зухры отливал белизной [83, с.56].

Не только планеты и их влияние символизировались цветами, но ими также выражались различные психологические состояния людей, их социальное положение. Символика цвета проявлялась в подборе одежды, была обозначена в народных поговорках, соблюдалась в обрядах и т.п.

До наших дней дошла определенная символика красок разных народов. Так, у многих народов люди с древних времен проявляли особый интерес к красному цвету. У многих народов красный цвет ассоциируется с красотой, с нечто прекрасным. У полинезийцев слово «красный» и слово «возлюбленный» являются синонимами. В Китае «красное сердце» указывает

на искреннего, откровенного человека, тогда как сердце коварного, дурного человека черно. Слово «красный» в русском фольклоре тоже обозначает «красивый», «хороший». Например, «красная девица», «не красна изба углами, а красна пирогами».

Есть и абсолютно противоречивые ассоциации красного цвета, прежде всего, с кровью и огнем. Вообще символические значения красного цвета очень многообразны и даже порой противоречивы. Если с одной стороны, красный цвет символизирует красоту, любовь, радость и полноту жизни, с другой стороны, он выражает опасность, войну, месть, вражду.

Красный цвет часто ассоциируется и с агрессивностью. Но красный является и основным геральдическим цветом. В большинстве случаев на знамени он символизирует революцию, бунт и борьбу. А воины у многих племен Америки, Африки и Австралии раскрашивали свои тела и лица в красный цвет, когда готовились к схватке. Во время войны карфагенцы и спартанцы носили красную одежду. Или же, «красными воинами», «красными копьями», «красными бровями» называли себя повстанцы в древнем Китае.

Также красное может обозначать власть и величие. В Византии император подписывался только чернилами пурпурного цвета, восседал на пурпурно-красном троне, только императрица имела право носить красные сапожки. У многих народов красный цвет символизирует жару, юг и огонь.

Белый цвет ассоциируется с чистотой, невинностью, добродетелью, незапятнанностью, радостью и т.п. Он символизирует дневной свет, а также производящую силу, которая воплощена в молоке и яйце. Белизна представляет явное, общепринятое, законное, истинное.

В Древнем Риме весталкам было предписано носить белые вуали и белые платья. Еще с древних времен белый цвет означал отрешенность от мирского, был символом устремления к духовной простоте.

В христианской традиции в белом изображаются ангелы, святые и праведники. Также он имеет значение родства с божественным светом.

Поскольку у некоторых народов белый цвет символизировал величие и торжественность, белую одежду традиционно носили цари и жрецы.

Однако белый цвет имеет и противоположное значение. Белый цвет по своей природе как бы нейтрализует и поглощает все остальные цвета, он соотносится с бестелесностью, пустотой, холодным молчанием и в конечном итоге – со смертью. В славянской традиции умерших одевают в белую одежду и покрывают белым саваном. У некоторых племен Австралии и Африки люди раскрашивают свое тело белой краской, когда у них умирает кто-то из близких. В Индии, Китае и в некоторых других странах Африки и Азии в траур носят белый цвет. У славян также в старину белый был цветом траура.

Почти у всех народов и культур черный цвет, как правило, ассоциируется с несчастьем, горем, трауром и гибелью. Так, в Древней Мексике во время ритуального жертвоприношения людей жрецы красили свои лица и руки в черный цвет. Персонажи, одетые в черное, обычно предвещают смерть. Если с одной стороны, черные глаза и поныне считаются опасными, завистливыми, с другой стороны, с черным цветом связывают и сексуальную привлекательность. Так, например, у некоторых африканских племен женщины с очень черной кожей высоко ценятся как любовницы, но не как жены. Любовная страсть покрыта темнотой и тайной; стало быть, черное может символизировать нечто сокровенное и страстно желанное. У арабов выражение «чернота глаз» означает возлюбленную, «чернота сердца» – любовь [165, с.71 – 79].

Черное также имеет и значение магии. Оно воспринимается так, например, в засушливых районах Африки, где мало воды и черные тучи сулят плодородие и изобилие. Духам-хранителям, посылающим дождь, приносят в жертву черных быков, коз или птиц, а жрецы при этом тоже облачаются в черное.

Желтый – цвет солнца и тепла, цвет золота, которое с древности воспринималось как застывший солнечный цвет. Этот цвет напоминает осень

и урожай, зрелые колосья и увядающие листья деревьев, но также и означают болезнь, смерть, потусторонний мир.

В большинстве культур женщины предпочтение отдавали желтым нарядам, поскольку этот цвет служил отличительным признаком высших сословий и знатных особ. Например, в Монголии дамы носят желтую одежду и красный пояс.

Наряду с черным и белым цветами, у некоторых народов Азии желтый также считается траурным цветом, цветом скорби и печали. В Европе карантин обозначали желтым или желто-черным цветом флага, а чуме – желтым крестом. У славян желтый цвет означает ревность и измену, а в Тибете ревность называют буквально «желтый глаз». Вспомним также «желтую прессу» и «желтый дом».

Синий цвет у многих народов, как правило, является цветом неба и вечности. А также он ассоциируется с добротой, верностью, постоянством, расположением, а в геральдике имеет значение целомудрия, честности и верности. «Голубая кровь» указывает на благородное происхождение. В Англии истинного протестанта называют «синим». Цветом английского трона также является синий цвет.

В некоторых случаях синий и черный цвета близки и даже сходятся по символическим значениям. В Древнем Египте и у некоторых народов Южной Африки траурным цветом считался синий. Французы называют ужас «синим страхом» (вспомним сказку о «Синей Бороде»). У славян синий означал печаль, горе, ассоциировался с миром бесов. В старинных преданиях описывали черных и синих бесов. В бессмертной поэме «Шахнаме» Фирдоуси одевает своего героя Бахрома Чубина в синюю одежду – по мусульманскому обычаю – это цвет траура, печали и скорби.

Зеленый – цвет травы и листьев. У многих народов он символизирует юность, надежду, веселье, хотя порой – и незрелость, недостаточное совершенство. Зеленый цвет предельно материален и действует

успокаивающе, но может производить и угнетающее впечатление (не случайно тоску называют «зеленой», а сам человек «зеленеет» от злости).

У иранцев зеленый цвет ассоциируется как с бурным ростом и свежестью, так и с несчастьем, печалью, скорбью, поэтому о злосчастном человеке говорят «зеленая нога», а о кладбище – «зеленый дом». В средневековой Европе шуты носили зеленую с желтым одежду, а банкроты в Германии должны были надевать зеленые шапки.

В суфийской системе цвета отражается представление характеристик четырех первостихий – огня, воздуха, воды, земли; времен года – весны, лета, осени, зимы; циркадного – суточного цикла – утро, день, вечер, ночь; временного состояния человека – детство, юность, зрелость, старость – это красный, зеленый, желтый, синий цвета. И среди этих цветов самым почтенным считается зеленый цвет. Поэтому именно в зеленые одежды наряжаются небожители, пророки. Зеленый – это цвет надежды, плодородия, вечности с двумя его измерениями – прошедшего синего и будущего желтого [83, с.56].

Древняя символика красок и их интерпретация в различных культурах находит свое подтверждение и в современных теориях взаимосвязи цвета и эмоционально-волевых состояний не только отдельного человека, но и целых общностей.

Соответствие цвета и доминирующего психологического состояния изучали М. Люшер, И. Гете и другие психологи.

1.1.3. О лингвоцветовой картине мира

Нынешняя наука занимается проблемой отражения объективного мира человеком и его взаимодействия с ним в виде соотношения двух миров: концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ).

Изучая разные точки зрения, мы даем следующие определения концептуальной картине мира: концептуальная картина мира является

целостным глобальным образом мира, представляет собой совокупность предметного содержания, которым обладает человек [181, с.201], а также совокупность мировоззренческих знаний о мире является системой интуитивных представлений о реальности [219, с.127].

Формами отражения мира являются знания, представления, концепты.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» концептуальная структура или система определяется как «тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [218, с.94].

Концепт как единица концептуальной картины мира (ККМ) является оперативной содержательной единицей памяти, концептуальной системы и языка мозга, ментального лексикона, всей картины, отраженной в психике человека, «квант» знания, который представляет содержание опыта и знания, результатов всей человеческой деятельности и процессов изучения мира [218, с.90].

Какое же соотношение имеет концептуальная и культурная картины мира? Рассмотрев этот вопрос, мы разделяем мнение тех ученых, которые в концептуальную картину мира включают культурную картину мира. Последняя специфична и различается у разных народов, и может быть определена как «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [165, с.41].

Концептуальная картина мира выражается языковой картиной мира средствами языка, т.е. вербализует ее. Языковая картина мира есть общая система языка, куда входят совокупность слов, формативов и средств связи между предложениями, а также синтаксические конструкции.

Цветовая картина мира (ЦКМ), по нашему мнению, включена в концептуальную и культурную картины мира. Человек первоначально

познает мир всеми органами чувств, в том числе и зрительными. Он видит мир цветным, а не черно-белым. Нормы и оценки, установки человека в значительной степени непосредственно имеют связь с цветом. Как излагает Ян Парандовский: «Все люди удивительны. Все переживают поразительные приключения, в каждой душе мир преломляется в тысячецветных радугах чудесного блеска» [141, с.34].

У каждого этноса и у каждого отдельного человека имеются соответствующие ККМ и ЦКМ. Как замечает далее Я. Парандовский: «Мир существует столько, сколько есть мыслящих индивидов. Миры эти поражают своим разнообразием. Одни из них малы и тесны, другие необъятны. Рядом с серыми и безрадостными появляются красочные, где звучат звонкие, веселые голоса, в одних царит вечное ненастье, другие наслаждаются неизменно прекрасной погодой» [141, с.177]. У разных этносов, народов и даже индивидов цвет в ККМ играет различные роли.

Цветобозначения в виде отдельных лексем, словосочетаний, идиоматических выражений и других вербальных средств реализуют лингвоцветовую картину мира, органично входящую в лексическую систему, в которой реализуется языковая картина мира.

В свое время лингвоцветовая картина мира была исследована довольно подробно такими советскими лингвистами, как А.А. Брагина, А.П. Василевич, Н.Г. Туревич (состав цветобозначений и их семантическая структура); В.Г. Гак, В.А. Москович (сопоставительный анализ); А.П. Василевич, Р.М. Фрумкина (психолингвистический аспект цвета); Л.А. Качаева, С.М. Соловьев (стилистические функции цветобозначений). Зарубежными лингвистами Р. Адамсом, Б. Берлином, П. Кей были проведены весьма интересные исследования.

При всем этом отдельные научные труды, которые имеют в основном изолированный и фрагментарный характер, не позволяют представить целостную лингвоцветовую картину мира какого-либо отдельного этноса, а также ряд аспектов данного вопроса вообще не исследуется учеными.

Далее попытаемся отметить наиболее оптимальные методы исследования, некоторые проблемы общего характера, а также допустимые направления исследований в данной области.

Проблема возможной категоризации цвета является глобальной проблемой ЦКМ. Первостепенным вопросом остается то, насколько объективным является само традиционное выделение семи цветов спектра.

Проведенные учеными исследования дали неожиданные результаты, которые показывают, что данный подход является спорным. С именем всемирно известного ученого И. Ньютона связано открытие цветового спектра. Однако выяснилось, что не он сам увидел эти цвета, а доверился зрению своего ассистента, который находился также под сильным влиянием закона гармонии Пифагора [211]. Таким образом, считается, что устоявшееся мнение о семи цветах спектра не основано на строго научных фактах, и его относят к наивному представлению о цветовой картине мира. Вследствие вышесказанного, можем сказать, что в науке сложились другие точки зрения и подходы. Например, по мнению некоторых ученых, цветовой спектр разделяется на три основных цвета: красный, желтый и синий, но другие ученые разделили спектр на четыре цвета: красный, зеленый, синий, фиолетовый [211]. Попытки выделить категориальные группы цвета на основе прямого наблюдения Б. Сондерс и Дж. ван Брегель определили как интуитивную феноменологическую характеристику.

Как считает Ф.Н. Шемякин, названия цвета можно делить на общие и единичные. Под «общими» он подразумевает такие названия, которые обозначают «цвет без оттенков», а под «единичными» – обозначающие «оттенки цвета». Под цветами, обозначенными при помощи общих названий, обычно подразумеваются те, которые принято характеризовать по традиции как «основные цвета» спектра и радуги. По традиции принимаются семь таких цветов, при отклонении от нее – от пяти до девяти [187, с.7].

Исследуя семантическое поле цвета по его частотности, В.А. Москович выделяет восемь цветообозначений, общих для поэзии и прозы: белый,

черный, красный, синий, голубой, зеленый, желтый и серый. Однако в таблице в его работе «Семантическое поле цветообозначений» даются семь цветов: красный, желтый, зеленый, синий, белый, черный и серый. По неизвестным нам причинам В.А. Москович исключил из цветовых компонентов голубой цвет. Следовательно, он считал, что семь данных им цветовых компонентов цветообозначения являются основными [129, с.12].

В современном таджикском языкознании вопросами цветообозначения и лексико-семантических особенностей цвета занимались К. Шукурова и М. Атоева. Еще в 70-е годы XX века К. Шукурова, рассматривая вопросы цветообозначения, по-разному выделяла количество слов и названий для выражения основных цветов в таджикском языке. В одних местах она отмечает, что в таджикском языке существуют только семь основных коренных слов, которые обозначают цвет: **сурх, зард, сабз, кабуд, бунафш, сафед, сиёх** [192, с.5 – 6]. В других же упомянуто, что их пять [192, с. 31], а в третьих отмечено – **шесть: сурх, зард, кабуд, сабз, сиёх, сафед** [192, с. 32 – 37]. Наряду с этим, регулярно на страницах журналов и газет публиковались статьи как научного, так и научно-популярного характера, в которых рассматривались вопросы восприятия цвета и цветообозначения с точки зрения различных наук, в том числе филологических, и к таким статьям можно отнести научно-популярную статью С. Атобуллоева.³

Вслед за К. Шукуровой в своем диссертационном исследовании М. Атоева в сопоставительном плане рассматривала вопросы цветообозначения на материале таджикского и русского языков. Как в таджикском языке, так и в русском, все названия цвета она делит на три группы: основные (или чистые цвета), оттеночные и смешанные, исходя из их соотношения по спектрам. Предлагаемая классификация всех названий цветов на основные, оттеночные и смешанные не совпадает с известным делением цвета на хроматические и ахроматические ряды, так как черный и белый цвета (ахроматичные) входят в состав основных цветов. Опираясь на ранние

³ Атобуллоев С. Хинг // Маориф ва маданият. 1970. 17 февраля

исследования некоторых ученых, как Г.Цойгнер, она отмечает, что существуют ахроматические и хроматические (белый, серый и черный цвета называют ахроматическими, от древнегреческого «хрома» - цвет, «а» - отрицательная частица, так «ахроматический» - в переводе бесцветный, а все остальные хроматическими, т. е. «цветными»); теплые и холодные (теплыми можно назвать все цвета от чисто желтого, оранжевого, красного, до красно-пурпурного, а холодными – все цвета от зеленоватого, зелено-голубого, синего до сине-пурпурного) [180, с.104] и др. цвета. Как указывает в своей работе М. Атоева, в таджикском и русском языках в состав названия основных цветов входят как ахроматические, так и хроматические. И по ее мнению, названиями основных цветов в русском и таджикском должны являться следующие: а русском языке – **красный, желтый, синий, черный, белый**, и в таджикском языке – **сурх, зард, кабуд, сиёх, сафед** [12, с.15]. В состав названия основных цветов М. Атоева не включила зеленый цвет. По ее мнению, данный цвет входит в состав названия смешанных цветов [12, с.73]. Следует отметить, что вопрос о том, в какую группу вносить названия цветообозначений - в основные или смешанные, например, зеленый, остается далеко спорным и до конца не решенным.

Другая проблема – это проблема универсальности восприятия цвета и цветовой картины мира и, соответственно, дальнейшего обозначения универсальных его участков как фрагментов лингвоцветовой картины мира. Данная проблема непосредственно связана с предыдущей. Выделяются два основных подхода в решении данного вопроса.

Первый подход, известный как культурный релятивизм (теория Э. Сепира и Б. Уорфа), был сформулирован Л. Блумфильдом: «Физики рассматривают цветовой спектр как непрерывную шкалу световых волн разной длины, от 40 до 72 сотен тысяч миллиметров, но в языке выделяют различные части этой шкалы вполне произвольно и без четких границ в значениях таких цветовых названий, как фиолетовый, синий, зеленый,

желтый, оранжевый, красный, и цветообозначения в различных языках не имеют таких же градаций» [27, с.231].

Американскими учеными Б. Берлином, П. Кей, Э. Рош, сторонниками лингвистического универсализма, была представлена противоположная позиция. В возникновении этой тенденции, противостоящей релятивизму, особое значение сыграла работа Б. Берлина и П. Кей «Basic Color Terms: Their Universality and Evolution» [201].

Сторонники данного подхода указали на следующие базисные положения.

1. Цвет представляет собой семантическую универсалию.
2. Он характеризуется признаками, независимыми друг от друга: оттенком (hue), яркостью (brightness) и насыщенностью (saturation).
3. Базисный цветовой термин (Basic Color Term, далее по тексту БЦТ) признается как основная единица цветообозначений.
4. Термины универсальных базисных цветов существуют в ограниченном количестве. Было выделено 11 терминов универсальных базисных цветов: **черный, белый, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый.**

Основной цветовой термин, по мнению Б. Берлина и П. Кея, должен отвечать следующим критериям.

1. Он должен быть моноксемой (однокорневым).
2. Его сигнификация (значение, смысл) не должна включаться ни в какой другой цветовой термин.
3. Его использование не должно ограничиваться узким классом объектов.
4. Он должен быть опознаваемым информантами.
5. Недавние заимствования не должны включаться в эксперимент по идентификации света [201]. Ими был проверен критерий семантической универсальности БЦТ для народов различных этнических групп на материале 20 языков, что выявило наличие неких доминант, фокусов базисного цвета в

этих языках. Наличие в языке меньшего количества БЦТ объяснилось тем, что другие близкие по оттенку цвета примыкали к основному БЦТ.

Позднее эти результаты были верифицированы авторами этой теории на материале словарей, этнографических источников, по данным работы с информантами, всего по данным 78 языков. Теория универсализма получила признание многих лингвистов.

Э. Рош, исследуя цветообозначения, ввела в научный обиход новое понятие естественного прототипа, проверив данные о БЦТ во время работы с народностью дани (Западная Новая Гвинея). Целью работы Э. Рош было обучение народа дани уметь различать и называть различные цвета (11 БЦТ) с помощью цветных картинок. Проведенные Э. Рош эксперименты также могут свидетельствовать о некоторых «странностях» цветовосприятия. Совершенно неясным остается то, что в языке народа дани выделяется лишь два названия цвета: *mili* и *mola*, которые основываются не на свете, и не на оттенке. В фокус «*mola*» включают два вида красного цвета. Более того, в некоторых случаях дани категорически отказывались опознавать, по их словам, «бессмысленные слова» («nonsense words»). Так, теория универсализма как наличие цветовых фокусов и прототипичности не всегда выдерживает критики, особенно тогда, когда вопросы в значительной степени связаны с вышеназванными явлениями цветообозначения. Исходя из предположения о том, что нейрофизиология цвета детерминирует постепенную эволюцию развития понятия цвета у представителей различных этносов, Э. Рош сделала вывод, что можно легко обучить людей одиннадцати названиям базисных цветов.

Нерешенными остаются вопросы о том, одинаковы ли цветовосприятия у людей разных народов, сколько их всего (7 или 11 или какое-то другое число), возможно ли и насколько объективно выделение базисных универсальных цветов, как это связано с цветообозначениями в разных языках.

Междисциплинарный подход к проблеме цветообозначения представляется наиболее перспективным. Проблема цвета действительно и несомненно связана с результатами данных целого ряда таких специальных наук, как нейрофизиология, психофизика. А по данной проблеме вполне заслуженной критике не раз подвергались мнения универсалистов.

Противниками теории универсализма выдвигались следующие обратные аргументы.

Во-первых, факт различного членения лингвоцветовой картины мира разными народами не имеет сомнений. И, следовательно, в разных языках количество цветообозначений значительно различается (см. данные в таблице №1).

Таблица № 1

Различия в составе цветовой картины мира

Народы	Количество БЦТ	Состав базисных универсальных цветов
таджики	5	сурх, зард, сабз, кабуд, бунафш.
Китайцы	8	красный, желтый, золотой, фиолетовый, зеленый, синий.
русские	7	красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.
англичане	6	red, orange, yellow, green, blue, violet
Немцы	6	rot, orange, gelb, grün, blau, violet
французы	6	rouge, orange, jaune, vert, bleu, violet.
американцы (теория относительности)	6	red, orange, yellow, green, blue, violet
американцы (по данным американских универсалистов ⁴)	11	red, yellow, green, blue, brown, purple, pink, orange, gray, white, black.
американцы (по последним данным универсалистов)	4	red / green; blue / yellow
американцы (последние данные)	7	red, orange, yellow, green, blue, indigo, violet

⁴ См.: Saunders B. A. C. & J. van Brekel. Are there non-trivial constraints an Colour Categorization // Leuven: Centre of Social and Cultural Anthropology // <http://www.cogsci.soton.ac.uk/bbs/Archive/bbs.saunders.html>.

Во-вторых, достоверность данных результатов экспериментов Б. Берлина, П. Кея, Э. Рош является спорным. Если в одних случаях результаты были выведены на основании работы всего лишь с одним информантом, в других же информантами являлись студенты, которые обучались в университетах Соединенных Штатов Америки, и вполне возможно их представление о цвете могло подвергаться ассимиляции, американизировалось.

Можно привести некоторые примеры относительно различий лингвоцветовых картин народов мира.

Некоторые народы Северной Америки, а также северо-запада Тихого Океана объединяют зеленый и желтый цвета, имея для их обозначения всего лишь одно слово.

В пасторальных культурах Африки наоборот выделяется значительное количество БЦТ. Например, имеется 26 цветов, относящихся к описанию красок среды крупного рогатого скота, но интересным является то, что нет ни одного определения для обозначения зеленого и синего. Подобные сложности можно наблюдать также и в именовании окраса лошадей и некоторых других животных.

В тех местах, где преобладают породы растительности, можно заметить много разных цветообозначений для разных периодов роста растений.

Следовательно, существует различие состава цветообозначения в разных языках мира в зависимости от лингвоцветовой картины мира каждой народности (см. таблицу №1).

У исследователей неугасающий интерес к этой проблеме вызывается весьма значительным расхождением в составе цветовой картины мира у различных народов.

Выбор метода анализа считается весьма существенным и, по нашему мнению, метод прототипов и метод компонентного (семного) анализа являются наиболее перспективными.

В парадигматической плоскости могут находиться всевозможные направления исследований: изучение идиолектов отдельных авторов [63], компонентный анализ сложных цветообозначений на материале словарей [115], сопоставительные исследования, исследование синтагматики и функционирования цветообозначений в различных текстах [в дискурсах].

Приведем данные о расхождениях в промышленных цветообозначениях в английском и русском языках из «Практического словаря делового английского языка» для небольшой иллюстрации возможного практического использования результатов лингвистического сопоставления цвета [97].

При обозначении простых хроматических цветов спектра и ахроматических цветов обычно сложностей не возникает. Но тем не менее они появляются в цветообозначениях оттенков и сложных цветов. Для повышения культуры ведения внешнеэкономической деятельности существенными являются лингвокультурологические различия, например, при поставке оборудования, изделий (в том числе одежды) и материалов из одной страны в другую.

Как известно, в состав цветов входит достаточно большое количество возможных оттенков. Как отмечает в своей книге «В мире солнечного света» С.В. Зверева, в среднем человек с нормальным зрением способен отличить до 350 – 400 цветов и оттенков [72, с.74]. Только оттенков красного существует не менее 25 в разных языках. Значительные расхождения в цветообозначениях красного можно наблюдать в английском, таджикском и русском языках (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

Оттенки красного в английском, таджикском и русском языках

Оттенки красного цвета		
В английском языке	В таджикском ⁵	В русском языке

⁵ При переводе и сопоставления терминов цветообозначения таджикского языка с русским и английскими соответствиями мы опирались на монографию таджикского исследователя М. Атоевой «Лексика, обозначающая цвет в таджикском и русском языках» (Худжанд, 2002).

Pink	гулобӣ	светлый розовый
Rose	гулгун, бархоста	темный розовый
Lilac	савсанӣ	сиреневый, светлый вишневый
carmin	сурхи нилуфарӣ	светлый лилово-красный
light lilac	савсани рушан	светлый сиреневый, цикламен
bengal-red	тамашк, қайха, <u>сурхи банголи</u> ⁶	светлый малиновый
crimson	қирмизӣ	малиновый
garnet-red	<u>сурхи анорӣ</u>	гранатовый
chinese-red	сурхи баланд, сурхи сиёҳтоб	сочный темно-красный
geranium	норанҷӣ	оранжево-красный
persian-violet	бунафшранг, нофармон	фиолетово-красный

Как мы видим, в одних случаях слово соответствует слову (имя прилагательное – имени прилагательному), в других случаях имеются расхождения (английским прилагательным **carmin**, **pink**, **rose** соответствуют словосочетания в таджикском и русском языках). В отдельных случаях в английском языке использованы названия стран и народов (существительные и прилагательные), например, **bengal-red**, **chinese-red**, **persian-violet**, чего нет в русском. Как мы видим, цветовой мир представляется по-разному.

Таким образом, в мире живут разные народы и нации, которые отличаются не только различными языками, но и культурами. Различаются также лингвоцветовые картины различных этносов и цветовая картина мира, входящая составной частью в концептуальную картину мира. Целый ряд смежных вопросов и проблема выделения базисных универсальных цветов (БЦТ) у разного народа остаются открытыми и ждут своих решений в междисциплинарных сферах, и актуальным остается исследование различных лингвокультурологических аспектов этой проблемы. Практическим значением этих изысканий, которые ведут к новому пониманию и знанию культуры и особенностей языка разных народов, является создание оптимальных условий для настоящего диалога и контактов культур в различных сферах.

⁶ выделенные цвета предложены нами.

1.2. Степень разработанности темы цветообозначения в лингвистике

На базе исследований цветообозначений в современной лингвистике выделяются такие понятия, как «лингвистика цвета», «лингвоцветовая картина мира».

Исследование цветообозначения в теоретическом аспекте предпринимается в научном направлении «лингвистики цвета». В этом направлении выделяются этимолого-историческое изучение цветообозначающей лексики, номинативно-терминообразующие и лингвокультурологические аспекты, психолингвистическая составляющая цветонаименований, когнитивные аспекты исследования лексики цвета.

В психолингвистическом аспекте состав цветообозначающей лексики описывается в работе А. П. Василевича, описание семантической структуры цветообозначения в работах А. А. Брагиной, И. В. Макеенко, Л. Н. Мироновой, стилистические функции цветолексики были рассмотрены Р. В. Алимпиевой.

На базе сравнительно-исторического анализа цветообозначение интенсивно изучалось Н. Б. Бахилиным.

Были проведены психолингвистические эксперименты Л. В. Василевичем, Р. М. Фрумкиной и П. В. Яньшиным.

Т. И. Вендина и А. Вежбицкая исследовали роль цвета в жизни и деятельности человека, языковое сознание народа в этнокультурной системе русского языка. Проблемы цветообозначений и их особенности в межкультурной коммуникации были рассмотрены в работах Е. Ф. Арсентьевой, В. А. Масловой, С. Г. Тер-Минасовой.

В языкознании исследование лингвистики цвета как научное направление стало приобретать все более явные очертания. Долгое изучение цветообозначения способствовало формулированию ряда научных проблем, вопросов и перспективных задач в научном освоении лингвокультурного

феномена цвета и его обозначения, что привело к образованию специализированного научного аппарата.

В лингвистике известны разные подходы к изучению цветообозначающей лексики. По различным аспектам исследования просматриваются следующие подходы: антропологический (Б. Берлин, П. Кей), психологический (Э. Рош), лингвокультурологический (А. Вежбицкая, Л. И. Исаева, Ш. К. Жаркынбекова и др.), лексико-семантический (Р. В. Алимпиева, Л. Качаева), гендерный (Р. Т. Лакофф, Д. Симпсон, А. Таррант), грамматический (А. А. Кайбияйнен), функциональный (А. М. Белошин, Н. М. Ильченко, С. В. Шкиль), когнитивный (А. Вежбицкая, Е. В. Рахилина) и сопоставительный (В. Г. Кульпина, И. В. Макеенко, Т. Ю. Светличная). Далее рассмотрим данные подходы более подробно.

Антропологический подход реализован в работах таких ученых, как Е. М. Иссерлин «История слова «красный» [84], Н. Б. Бахилина «История цветообозначений в русском языке» [15], А. П. Василевич, С. Н. Кузнецов, С. С. Мищенко «Цвет и название цвета в русском языке» [39], Ю. Норманская «Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках» [137] и др.

Антропологический подход связан с исследованием истории и развития отдельных слов и групп слов, цветоименованием, изучением формирования групп колоронимов, а также их состава в тот или иной период развития языка. Проблема выявления семантического первоэлемента, который позволяет детально описать историю семантики цветных слов, также заинтересовала исследователей. Знание истории и этимологии изучаемой группы слов является очень важным, так как такие данные служат базой для современной теории концептуального изучения цветных слов.

Известные английские ученые, антропологи Б. Берлин и П. Кей, изучая этимологию названий цвета, исследовали процесс возникновения и развития цветообозначающей лексики в различных языках мира. Ученые обработали достаточно широкий языковой материал (данные около 80 языков разных

языковых семей). В ходе исследования они выявили, что в языках мира в устройстве системы основных цветообозначений существуют универсальные законы. Так, по Б. Берлину и П. Кею: «Универсальный инвентарь системы основных цветообозначений состоит из 11 основных названий цветов – белого, черного, красного, зеленого, желтого, синего, коричневого, фиолетового, розового, оранжевого, серого» [201, с.22]. Также исследователи считают, что чем полнее система основных цветообозначений в конкретном языке (т.е. состоит из большего количества основных цветообозначений), тем выше стадия развития данного языка.

По разработанной схеме развития основных цветообозначений Б. Берлина и П. Кея сначала появляются названия белого и черного цветов, затем к ним добавляется название красного цвета, затем – зеленого и желтого (сначала один из них, а потом второй), затем – синего, затем – коричневого. После этого в разной последовательности и за короткий отрезок времени появляются названия фиолетового, розового, оранжевого и серого цветов. Ученые-антропологи полагают, что данная П. Кеем и Б. Берлином схема возникновения и развития цветообозначений является универсальной для всех языков.

Антропоцентрический подход. В данном подходе учитываются раскрытие схем хранения знаний о мире, специфики отражения окружающего мира в индивидуальном сознании, взаимодействия энциклопедических и языковых знаний и преломления их через призму вырабатываемой в социуме системы оценок, норм и эмоционального опыта индивида. Важно знать то, как интерпретируется зрительное восприятие человека, поскольку «видение» контекста обусловлено и оценивается как сложное. Универсалии зрительного восприятия, одним из которых является понятие подобия в зрительных ощущениях, помогают установить связь между словом, номинирующим это явление, и физическим явлением. Роль сравнения очень важна в описании цвета. Человек связывает зрительные категории с определенными универсальными образцами (моделями). Путь от

представления о цвете в мозгу к языковым единицам, которые оформляют понятие, лежит через универсальные элементы человеческого опыта, грубо определяемые, как огонь, солнце, ночь, день, растительность, небо, земля и т.д. Восприятие универсально, но и вместе с тем специфично для отдельных личностей, поскольку оно по-разному отражено в системе познания разных индивидов.

Изучая вопрос о роли цветообозначения в языке и в художественном произведении нужно учитывать, что опыт человека, сферы его чувственного познания в оценочной деятельности являются очень важным. В сознании синтетически отражаются различные сферы чувственного познания (звук, цвет, запах, тактильные ощущения и т.д.), включая в случае необходимости их максимальную раздельность или дифференциацию ощущений, переплетаясь в нашем воображении и в реальном объекте действительности. Часто при восприятии и воспроизводстве цветовой картины мира, носитель языка основывается на своем ощущении от восприятия того или иного цвета, и при этом отмечают, зачастую на уровне подсознания, ассоциативные признаки, сопутствующие слову в языке. Данные признаки расплывчаты и аморфны по своей сути и лежат на пересечении чувственной и понятийной сфер познания. Ассоциативные признаки придают цветообозначениям дополнительный смысл и способствуют экспрессивному приращению семантики слова.

Неоднократно было отмечено, что «человек получает впечатления от свойств, приписываемых нами предметам и собственному телу, а затем оценивает значение этих впечатлений для нашего индивидуального бытия, испытывая чувство удовольствия или неудовольствия» [158, с.17].

Все вышесказанное дает нам возможность сделать вывод о том, что о цветоименовании и о лингвоцветовой картине мира в целом невозможно говорить в отрыве от индивида, который её воспринимает. Как говорят Р. М. Фрумкина, А. А. Брагина и другие исследователи, изучающие проблемы цветообозначения, так называемая «наивная картина мира» неизбежно

связана как с личностным восприятием цвета, так и с языковой традицией. И это естественно, что у каждого человека восприятие цветовой картины мира связано с его психофизическим состоянием, с его жизненным опытом, который определяется целым рядом объективных и субъективных факторов.

Как считает В. Г. Кульпина, «концепция лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы в современном языкознании приобретает все более конкретные черты» [104, с.7].

Итак, анализ теоретического материала, связанный с проблемами исследования цветообозначений, показал, что лингвистика цвета как самостоятельная научная дисциплина уже имеет собственную прочную теоретическую и методологическую базу.

Психологический подход. Элеонора Рош Хайдер занималась изучением психологического аспекта фокусных цветов (красный, желтый, зеленый, синий). Изучая психологические особенности фокусных цветов, Э. Рош заинтересовалась проблемой фиксации фокусных цветов в когнитивной составляющей языка. Проведенный Рош Хайдер ряд экспериментов, привели к следующим выводам:

1. Фокусные цвета лучше воспринимаются, чем нефокусные.
2. Фокусные цвета дольше сохраняются в кратковременной памяти и удерживаются в долговременной памяти.
3. Имена фокусных цветов быстрее воспроизводятся в заданиях, ориентированных на «называние цвета», и раньше других цветов усваиваются детьми.

Гендерный подход в изучении цветообозначения представлен в работе Р. Лакофф «Язык и место женщин» [209]. Целью Р. Лакофф было выявление различия между женскими и мужскими словами-цветообозначениями. Ее исследования показали, что у мужчин цветообозначающей лексики оказалось гораздо меньше. По мнению Р. Лакофф, это обосновывается тем, что у женщин повседневные занятия больше связаны с цветом, например, интерьер дома или же приобретение одежды. При этом Р. Лакофф отмечает, что в

лингвистическом аспекте у мужчин цветообозначения оказываются более конкретными, чем у женщин, т.е. по сравнению с мужским, лингвистическое поведение женщин является несовершенным. Данный факт объясняется наличием различия между социальным статусом у мужчин и у женщин [209].

Однако учёные Д. Симпсон и А. Тарронт в книге «Sex- and Age-Related Differences in Colour Vocabulary» [212] утверждают, что мужчины могут знать больше названий колоронимов, если их хобби или профессия связаны с цветом, они знают больше цветообозначений, а у женщин эта группа слов обычно охватывает достаточное количество независимо от их профессии и интересов.

Лингвокультурологический подход. Как известно, во многих культурах цвет имеет особое значение и, не учитывая их, человек не может понять многие явления той или иной культуры. Как излагает Ш. К. Жаркынбекова: «Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, который может служить своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов» [69, с.109)].

Цвет – одна из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [69, с.109]. Цвет может стать воплощением разных нравственных и эстетических ценностей. Поскольку цвет является культурным компонентом, он окружен сетью толкований, смыслов, ассоциаций.

Цветом может быть выражено отношение человека к различным явлениям окружающей природы. «Цвет выступает в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия. Такие слова, как blue, aoі (японское) или

niebieski семантически связаны с концептом «синий цвет», но они не одинаковы по значению, потому что диапазон употребления у каждого слова свой. Польское слово **niebieski** относится только к светло- или средне-синим цветам, а не к темно-синим (которые по-английски все равно называются blue)» [43, с. 257].

Лексико-семантический подход. Данный подход представлен в работах Л. Качаева «Прилагательные, обозначающие цвет в произведениях А.И. Куприна» и «Может ли голубое быть зеленым и розовым?», в работе Р. В. Алимпиевой «Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы на материале прилагательных-цветообозначений русского языка» и др.

В рамках лексико-семантического подхода лингвистами рассматривается современное состояние системы цветообозначений. Ими исследуются формирование дополнительных к основному символических, образных значений у колоронимов, изменения в семантической структуре названий отдельных цветов, становление лексико-семантических групп цветовых слов. На основании общности значений данное исследование может способствовать распределению цветовых слов по группам, а также выявлению цветообозначения, которые употреблены в художественной речи в прямом и переносном значении.

Грамматический подход означает изучение особенностей цветообозначений в морфологическом и синтаксическом плане. Данный подход представлен в работе А. А. Кайбияйнен «Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке» [50].

При грамматическом подходе к изучению цветообозначения очень важно учитывать способы их языкового оформления в контексте с целью выделения среди них наиболее частотных и прагматически значимых. В какой образной функции будет реализовано цветообозначение, может быть определено знанием их морфологических и синтаксических особенностей.

Когнитивный подход к изучению цветообозначения был рассмотрен в работах А. Вежбицкой [43], Е. В. Рахилиной [146] и др. Он определяется как тесно связанный с семантикой цветообозначения, через который определения и идеи могут вводиться в круг проблем ментальной осмысленности цвета. Этот подход может позволить вскрыть специфику воздействия языковых единиц на читателя.

Когнитивная лингвистика является сравнительно новым направлением в науке, которая используется достижениями философии, психологии, логики, информатики и математики в изучении человеческого сознания и инфраструктуры мозга. При этом человек рассматривается как система переработки информации. По мнению когнитивистов, язык служит ключом к пониманию человеческого поведения, поскольку он является речемыслительной основой, которая объективирует человеческую деятельность. В познавательной деятельности человека факты реальной действительности отражаются в виде концептов.

По определению В.З. Демьянкова, «концепт – это соотносительное со значением слова обобщенное понятие, оперативная единица ментального лексикона, информация о том, что человек знает, предполагает, думает о каком-либо объекте действительности» [67, с.48]. Концепт является своеобразным мыслительным обобщением, это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [162, с.40].

Различаются концепты художественные, которые, помимо вышеперечисленного, «включают и представления, чувства, эмоции, волевые проявления» [10, с.23], и познавательные, замещающие неопределенное множество однородных предметов, свойств или действий объектов познания. Художественный концепт считается более информативным, чем познавательный, так как помимо понятия индуцирует в сознании дополнительные ассоциации. Как считает С.А. Аскольдов, это не только «намёки на возможные значения», но и «отклики на предшествующий опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный,

исторический и т.п.» [10, с.21]. По мнению Д.С. Лихачева, концептосфера языка образуется совокупностью устойчивых концептов и является сжатым «алгебраическим выражением всей культуры нации» [110, с.31].

При рассмотрении цвета как художественного концепта нельзя обойти вниманием вопрос о связи явления реальной действительности (цветовое восприятие) с его вербальным отражением в языке (цветообозначение). При этом на первый план выходит семантика слов-цветообозначений. Как считает А. Вежицкая, семантика – закодированная в языке концептуальная структура» [42, с.20].

Функциональный подход. В настоящее время в очень многих исследованиях описывается функционирование цветообозначений в художественных текстах и данная концепция обоснована тем, что цветопись считается неотъемлемым элементом идиостиля поэта или писателя.

Совокупность всех языковых единиц, которая передает семантику цвета в произведениях писателя, составляет идиостилевое семантическое поле – «цвет», репрезентирующее индивидуально-авторские концепты цвета и их организацию.

Цветообозначения дают возможность авторам рисовать образы героев, создавать определенный эмоциональный настрой, раскрывать идею произведения. В рамках функционального подхода слова-цветообозначения рассматриваются как интенсификаторы изобразительности и выразительности речи и соотносятся с рядом стилистических фигур и тропов, которые являются актуализаторами прагматики высказывания.

Понятие языковой синестезии в научный обиход было введено в начале 50-ых годов XX в. семасиологом С. Ульманом [168]. Языковая синестезия рассматривается как трансформация названий из одной сенсорной модальности в другую. В поддержку идей С. Ульмана в науке в широком кругу ученых рассматривались вопросы языковой синестезии и синопсии как специфическое явление, когда цветовые ассоциации вызываются звуком.

Например, у писателя С. Н. Сергеева-Ценского можно встретить «красные звоны в голове». Вызванные памятью, почему-то названы «звуки лиловые», а осенние звуки окрашены традиционно в желтый. «Белый» цвет не является антонимом «черного» цвета, так как «белые» – это звуки страха, а «черные» – звуки тревоги, а не страха.

Сопоставительный подход рассматривается в работах «Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках» Т. Ю. Светличной, «Лексико-семантическая структура систем цветообозначения в русском и английском языках» И. В. Макеенко, «Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках» В. Г. Кульпиной и др.

Данный подход дает возможность получить информацию о расхождениях и сходстве в номинации цветов спектра в различных языках, о лингвокультурных, национально-специфических особенностях цвета, о моделях интерпретации мира в отдельных языках, о понятийных моделях видения мира. Сопоставительный подход является продолжением когнитивного подхода и в связи с сегодняшним интересом к эффективному межкультурному сотрудничеству является достаточно целесообразным.

Также являются важными сопоставительные исследования, а их результаты при обучении иностранному языку являются одними из необходимых составляющих ее лингводидактического обеспечения. Именно сопоставительный анализ цветообозначений входит в предмет нашего диссертационного исследования.

Лексика цветообозначения как определенный пласт словарного состава языка становилась объектом исследования и таджикских лингвистов. Исследования проводились на материале как одного (таджикского) языка, так и нескольких языков.

Исследователь таджикского языка Ш. М. Шукуров в своей книге «"Шахнаме" Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция» разрабатывает

классификацию, традиционную для иранской средневековой культуры цветообозначений [191].

В работе М. М. Атоевой «Лексика, обозначающая цвет, в таджикском и русском языках» впервые в таджикском языкознании специально рассматривается лексика, обозначающая цвет в сопоставлении с русским языком. Сопоставительный характер работы позволил ей изучать некоторые актуальные вопросы соответствий и различий в цветообозначении в русском и таджикском языках и выявить в каждом языке специфические особенности цветообозначений. Также в данной работе она классифицирует и характеризует названия основных, оттеночных и смешанных цветов в обоих языках, выявляя сходства и различия в прилагательных, обозначающих цвет [13]. Однако в предмет ее исследования не входят отвлеченные названия цвета и цветовые глаголы.

В работе другого таджикского исследователя М. Назировой «Фразеологические единицы с компонентами цветообозначения английского, таджикского и русского языков» впервые исследуются структурно-семантические соотношения таджикских, русских и английских фразеологизмов с компонентом цвета. В работе впервые осуществляется распределение фразеологических единиц по тематическим разрядам, устанавливаются особенности отдельных разрядов цветообозначающей лексики в составе фразеологических единиц и определяются их основные содержательные особенности [135].

Также немало работ посвящены анализу лексики цветообозначения в различных аспектах в памирских языках. В диссертационной работе «Цветообозначение в шугнано-рушанской языковой группе в этнолингвистическом освещении» Ш. Ф. Зоолишоевой более подробно рассматривается описание цветообозначающей лексики и проводится ее этнолингвистический анализ. В работе впервые исследуется цветообозначающая лексика в шугнано-рушанском, и в других памирских языках. В данной работе цветообозначающая лексика исследуется не только

в лингвистическом аспекте, но и также рассматривается ее место в бытовых, мифологических и обрядовых представлениях. Автор в своей работе анализирует не только цветообозначающую лексику, но и тот круг представлений и ритуалов, который характеризует отношение к цвету в традиционной культуре носителей шугнано-рушанских языков [73]. Иначе говоря, исследуются не только цветовые концепты, но и их фреймовые «упаковки».

Богатейшая лексика цветообозначения шугнанского языка собрана в трехтомном «Шугнано-русском и русско-шугнанском словаре» Д. Карамшоева. В первом его издании «Категория рода в памирских языках (шугнано-рушанская группа)» автор детально анализирует фонологические и морфологические особенности цветономинаций в шугнано-рушанской языковой группе [88]. Во втором издании данного словаря цветовая лексика анализируется в двух новых аспектах: семантическом и синтаксическом. Также автором рассматриваются и так называемые неоднословные цветообозначения, т.е. предикативные, атрибутивные и адвербиальные конструкции [89].

В таджикском языкознании также имеют место и отдельные исследования по частным вопросам цветообозначающей лексики, что свидетельствует о степени важности представлений о цвете. Так, вопросы цветообозначения рассматривались в работах Х. Хусейнова «Калимаи сурх» [178], К. Шукуровой «Рангҳо» [192], В. Охониёзова «Мафхум ва рамзи рангҳо дар назми классики форсии тоҷикӣ» [140] и некоторых других исследователей.

Во всех словарях современного таджикского языка мы можем обнаружить анализ и интерпретацию лексики цветообозначения и можно сказать, что вопрос цветообозначения в словарях таджикского языка может составить отдельное монографическое исследование, так как и по объему, и по содержанию формы и способы цветообозначения в разных словарях имеют свою специфику. В этом плане можно перечислить те словари, в

которых при сравнении можно заметить специфические описания цветообозначения, и к ним можно отнести такие словари, как «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [225, 226], «Фарҳанги мухтасари "Шохнома"» [227], «Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ» [222, 223], «Таджикско-русский словарь» [224] и другие словари.

Таким образом, при отмеченных выше достижениях в таджиковедении в исследовании цветообозначений остается нереализованным комплексное сопоставление цветообозначений в таджикском, английском и русском языках, в которое вошли бы все основные их структурные типы, включая девербативы и предикативные конструкции.

1.3. Теоретические аспекты цветообозначения

В данном разделе мы остановимся на некоторых проблемах в теории цветообозначения, а именно на таких, как проблема выбора термина для названия форм цветообозначения и проблемы классификации цветообозначений.

1.3.1. К вопросу о выборе термина цветообозначения

В современной лингвистике исследователи, занимающиеся проблемами цветообозначения, в своей работе используют различные термины для обозначения слов и выражений со значением цветов и его оттенков. По этой причине проблема выбора термина для лексических единиц с цветовым значением является достаточно актуальной.

Особый интерес для нас по данному вопросу представляет статья Д. Н. Борисовой «К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке», в которой, анализируя ряд работ по исследованию слов и выражений, обозначающих цветовые оттенки в различных языках, она выделила пять направлений в терминологизации

лексических единиц с компонентом цвета. Ею были выявлены и обобщены по сути все направления в терминологической номинации в исследуемой области [31].

Первое направление, по мнению Д.Н. Борисовой, заключается в использовании термина «цветообозначение». Данный термин является самым распространенным среди исследованных лингвистами работ (В. А. Москович [1960], Н. Б. Бахилина [1975], А. Вежбицкая [1999], Т. И. Вендина [1999], В. Г. Кульпина [2001], С. Г. Тер-Минасова [2000], и др.).

По мнению Д. Н. Борисовой, термин «цветообозначение» понимается как процесс, а не как результат в виде конкретного слова или словосочетания. «Цветообозначение – это процесс обозначения цвета в языке, т.е. различные способы номинации цветовых оттенков» [31, с.34]. Термин «цветообозначение» нацеливает на раскрытие словообразовательных способов: обозначение названий цветов с помощью существительных (белизна), прилагательных (синий); обозначения цветов с помощью глаголов (пожелтеть) и других частей речи; обозначение цветовых оттенков с помощью префиксов и приставочных слов (черный-пречерный), суффиксов (зеленоватый), сложения основ (черно-белый); с помощью сочетаний двух слов (цвета земляники), образование номенклатурных названий цветов с использованием аббревиации и числительных (Лиловый K55/M).

Второе направление. В работах Р. М. Фрумкиной [176] часто используются термины «имя цвета» или «цветонаименование». Исследуя этот термин, Д. Н. Борисова пришла к такому выводу, что «понятие имени относится либо к грамматическому разделу языкознания (учению о частях речи), либо к ономаσιологическому разделу (процессу номинации). С грамматической точки зрения термин «имя цвета» неправомерен, но в номинативном аспекте данный термин можно использовать только при изучении базовых названий цвета. Если говорить о периферийных, т.е. неосновных названиях цветов, то здесь процесс номинации идет по определенным моделям (например, метафорический перенос: цвет морской

волны, англ. iceberg white), т. е. налицо процесс вторичной номинации» [31, с.35]. В данном случае, понятие «имя цвета» по мнению исследователя, неприменимо.

Третье направление характеризуется использованием выражений «цветовой термин», «термин цвета» (“colour term”), впервые примененного в работе Б. Берлина и П. Кея «Базовая цветовая терминология» [201]. При анализе исследовательских работ лингвистов по теме «цвет» было выявлено, что данные выражения употребляются как синоним «цветообозначения». В частности, это имеет место в работах Т. И. Вендиной, В. Г. Кульпиной и др. Как считает Д. Н. Борисова, данный термин в русском языке является скалькированным лингвистическим термином. И изучая названные термины, лингвист сталкивается с вопросом, «существует ли некая «терминосистема цвета», в которую входят «термины цвета» [31, с.36]. Ученый указывает на науку-колористику, изучающую и объясняющую явления цвета, где основными терминами являются «цвет», «колорит», «цветовой тон», «смешение цветов», «контраст», «насыщенность», и т.д. Конкретного термина цвета в колористике не существует, а понятие «название цвета» является лишь определением оттенков цвета и применяется также и в других сферах науки и производства. Поэтому, выражение «термин цвета», на взгляд Д. Н. Борисовой, неприемлемо.

Четвертое направление. В работах Е. В. Рахилиной, Ф. Озхан, О. В. Тороповой встречаются употребление описательных выражений типа «наименование с цветовым компонентом», «название цвета», «прилагательное со значением цвета», «цветовое прилагательное» вместо однословного термина.

Как считает Д.Н. Борисова, во избежание тавтологии, в научных работах данные термины могут быть использованы как синонимы термина «колороним».

Введя термины «колороним» (лат. color «цвет» + греч. онум «имя») и окказиональное «хроматоним» (от греч. chroma «цвет» + онум «имя»),

лингвисты попытались создать и внедрить конкретный необходимый лингвистический термин. По мнению Д. Н. Борисовой, для слов и выражений, обозначающих цветовые оттенки, не существует единого унифицированного лингвистического термина, и термин «цветообозначение» следует понимать как общий процесс обозначения оттеночных цветов в языке. Что касается другого термина – «имя цвета», он может быть использован лишь в ономаσιологическом аспекте при изучении названий основных цветов. Использование названия «термин цвета» некорректно. Термин «хроматоним» исключает обозначения ахроматических цветов. Наиболее удачным признается термин «колороним»; остальные описательные выражения могут быть использованы как синонимичные во избежание тавтологии [31, с.36].

Кроме названных терминов, нами было выявлено употребление таких терминов, как «цветолексема» [14], «цветовая лексика», «лексика цвета», «цветономинация», [12; 49], «цветовое сочетание» [82], «слово-цветообозначение» [56; 80], «колоратив» [161]. Термин «колоратив» встречается в работах украинских ученых.

Анализ показал, что термины «цветовая лексика», «цветономинация», «цветовое сочетание», «лексика цвета», «цветолексема», «колоратив» используются в единичных случаях как синонимы более употребительных терминов, а термин «слово-цветообозначение» употребляется как синоним «цветообозначения». В работах ученых наиболее часто используются термины «цветообозначение» и «слово-цветообозначение», а также их синоним «цветонаименование». Остальные термины считаются заменителями названных терминов.

Вслед за Д. Н. Борисовой в своей работе мы используем термины «цветообозначение», «цветовое прилагательное», «слово-цветообозначение», «колороним», как наиболее удачные, для цели нашего исследования.

1.3.2. Особенности классификации цветообозначений

На основе изучения вербализации цветового восприятия, исследователи подразделяют цветообозначения на две группы: основные (абсолютные) и оттеночные.

Как классифицируют ученые, в том числе и А.А. Брагина, абсолютные цветоименования, в свою очередь, делятся на хроматические, называющие семь цветов радужного спектра, и ахроматические, а именно белый, серый, черный [32, с.84]. А все остальные цветообозначения называются оттеночными и различаются по способу передачи цветовых оттенков.

Выделяют группу цветообозначений, которые передают оттенки цвета синтетически, среди которых и цветные прилагательные. Среди последних, различают прилагательные:

- а) вторичной номинации (лиловый, молочный);
- б) без ясно прослеживаемой этимологии (алый, бурый);
- в) с ограниченной сочетаемостью (карий, русый, гнедой);
- г) заимствованные цветообозначения (индиго, сольферино);
- д) терминологические единицы (ультрамарин, кобальт);
- е) неологизмы и архаизмы (кубовый, смарагдовый);
- ж) окказионализмы (черноты).

И.В. Макеенко выделяет следующие группы оттеночных цветоименований, уточняющих оттенки цвета:

- а) сложные, с формантами ярко-, светло-, темно-, нежно- и т.п., уточняющие интенсивность окраски;
- б) двусоставные цветообозначения, представляющие названия смешанных цветов или разноцветных объектов: желто-зеленый, сине-белый и т.п. [114, с.15].

Кроме того, выделяются и конструктивно сложные, или же генетивные цветообозначения (цвета малины, цвета морской волны, цвета мёда) и

сравнительные обороты (щечки как маков цвет), которые обычно находятся на периферии микрополя цвета.

В лингвистике ученые часто сталкиваются с целым рядом проблем при описании цветоименований. Одной из основных проблем является классификация цветковых прилагательных. Возникают сложности при попытке описания отношений между цветообозначениями в терминах сходства (количественной оценки). Исходя из этого, ученые говорят о невозможности построения описания на основе модели трехмерного психологического пространства цветоощущения. И это никоим образом не зависит от выбора метаязыка описания. Исследователи часто сталкиваются со сложностями при построении модели смысловых отношений у «имён цвета» и выявлении единого принципа для отбора и классификации единиц.

Метод разъяснения (экспликации) по сходству считается самым удобным. Данный операционный подход к изучению сходства по смыслу представлен в психолингвистическом эксперименте, который был проведён и описан Р. М. Фрумкиной, когда нескольким носителям языка предлагалось классифицировать набор слов-цветообозначений, объединив их в микрополя по принципу сходства в значении [176].

В результате эксперимента получен весьма широкий спектр мнений респондентов, так что, подводя итог, можно говорить лишь о «среднем арифметическом» результате, о частоте вхождения цветообозначений в один и тот же класс, в одно и то же микрополе.

Интересно мнение респондентов относительно доминанты микрополя и периферии, т.е. структуры микрополя цвета. Респонденты практически все без исключения признают центрообразующую роль абсолютного цветообозначения или, по определению Р. М. Фрумкиной, «основного имени цвета». Выражая «общее», «абстрактное» понятие цвета, абсолютное цветоименование не является доминантой ряда, выстроенного по признаку интенсивности. Можно сравнить «зелёный» и «изумрудный», «красный» и «багряный», «синий» и «ультрамариновый», где не учитывается

интенсивность. Это несоответствие – одно из слабых мест классификации [176, с.96-112].

Цветовые прилагательные, которые описывают цветовые оттенки или смешанные цвета (лиловый, бирюзовый, малиновый), создают большие сложности при попытке определить соотношение с определенным классом цветоименований. Исследователям остается решить вопрос о том, каково их место в парадигме цвета, могут ли входить они одновременно в несколько классов, или же их можно отнести к определенному классу.

Отдельные исследователи признают недостатки парадигм, построенных по принципу определения «среднего арифметического» места того или иного цветообозначения в парадигме. Предлагая испытуемым провести распределение данных им цветовых прилагательных на классы, причём исходя из личных представлений респондента, не ограничивая количество часов и объектов в них, ставя единственное условие – классы не должны пересекаться, ученый добьется лишь права судить о степени употребительности слова в языке, но не о структуре микрополей, включающих цветообозначения. У каждого носителя языка – свой опыт, свое восприятие мира, своё восприятие цвета (доказано физиками и психологами), своя оценка увиденного, поэтому создать классификацию цветообозначений, удовлетворяющую всех учёных, представляется невозможным. Р.М. Фрумкина признаёт сложность данной проблемы, сравнивая её с «прокрустовым ложем».

Большинство ученых при определении основных цветов опираются на классификацию цветообозначений соответственно названию цветов радужного спектра: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой и синий (как известно, они часто объединены в один класс), фиолетовый. Кроме абстрактных цветообозначений, представляющих смысловой центр парадигмы, в неё вошли также генетивные словосочетания (цвета крови с молоком) и модели, образованные по принципу регулярной полисемии («относящийся к X, похожий цветом на X»: свинцовый, малиновый и т.д.) В

отдельную группу выносятся цветоименования, образованные с помощью различных модификаторов и квалификаторов, указывающих на оттенки, фактуру и др. (весенне-зелёный, глинисто-жёлтый).

Сознавая недостатки подобной классификации, мы всё же будем на неё опираться в ходе нашего исследования и на основании данной классификации составим свою классификацию, которая, на наш взгляд, будет более полной и детальной.

1.4. Особенности коннотаций цветообозначений

На сегодняшний день очень актуальным является вопрос о коннотациях у цветковых прилагательных, который рассматривается в монографиях и статьях многих ученых. Несмотря на то, что в современном языке цветообозначения утратили связь с первоначальным значением, в большей или меньшей степени, раскрытие их исконной семантики способствует тому, что символика того или иного цветообозначения, его оценочная и эмоционально-экспрессивная роль в тексте становятся объективно доказуемыми. Зачастую исконное значение слова проявляется в цветовой символике и, таким образом, сохраняется в языке, служа в языке художественной литературы для создания образа и его конкретизации, осуществляя «приращение смысла».

Очень важным компонентом семантической структуры слова являются коннотаторы как ассоциации и сопредставления, которые сопутствуют основной предметно-лексической соотнесенности слова. Образование производных значений слова и разного рода «приращения смыслов», разные модификации его значения происходят именно на основе коннотаторов. Коннотаторы (термин «коннотатор» был введен в свое время еще Луи Ельмслевым) – это часть открытых в деле автоматической обработки текстов фреймов, так сказать, эмоционально-оценочная составляющая «фреймовой упаковки концепта».

В данном параграфе рассматриваются пути формирования «приращения смысла» у цветообозначений. Как отмечает А. А. Брагина, полисемия, т.е. развитие переносных осмыслений, метафоризация являются одним из самых основных и продуктивных путей [32, с.89]. В частности, переносные значения цветонаименований появляются в результате не прямой номинации, имеют большую зависимость от контекста, обычно осложнены стилистическими или экспрессивно-оценочными моментами [162, с.52].

При всей ситуативной относительности и подвижности цветовые значения оказываются достаточно сильными и доминируют над остальными значениями, что способствует многоплановости толкования. Такого рода цветообозначения, утратившие свои предметные связи с доминирующим цветовым значением, поистине совершают семантические скачки в результате метафорических употреблений и способствуют созданию поэтических образов, где чаще всего выполняют стилистическую функцию.

Допускается и другой путь, где нецветовые прилагательные приобретают переносные цветовые значения. Так, например, у прилагательных с исходным значением «сделанный из какого-либо металла» (золотой, серебряный, свинцовый и др.) цветовое значение «всегда коннотировано и имеет дополнительную сему, выявляемую из контекста» [71, с.223].

Также в художественной литературе имеет место потребность заменить абстрактные названия цветов конкретными, что реализуется с помощью цветовых сравнений, часто окказионального характера.

Так, проблема прямого и переносного, первичного и вторичного значения слов-цветообозначений, можно сказать, остается нерешенной.

Существуют два основных пути возникновения полисемии у слов-цветообозначений.

Первый путь, при котором прямое цветовое значение слова перерастает в переносное нецветовое, и при этом значение, эмоционально и психологически связанное именно с цветовосприятием, проявляется в

символике, например: чёрные глаза (прямое) – чёрная душа, черные дни, черные дела (переносное); зелёная трава (прямое) – зелёный юнец (переносное).

Второй путь, при котором прямое нецветовое значение перерастает в переносное цветовое значение. В этом случае, в значении цвета явно наблюдается психоэмоциональная связь с предметом, понятием, давшим название цвету, например: розовый куст – розовый бант; восковая фигура – восковая бледность.

На наш взгляд, можно выделить также и третий путь переосмысления – языковую синестезию. Например: малиновый звон, белые звуки страха, теплые или холодные тона цвета и т.п.

А. А. Брагина в своей работе «Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний» конкретизирует пути возникновения коннотативных значений у слов-цветообозначений. Сужая круг исследования, она рассматривает лишь сочетания «определение + определяемое», где определение выражается абстрактным цветообозначением, выраженным именем прилагательным, а определяемое – существительным.

Как утверждает А. А. Брагина, «в абсолютных значениях цветовые прилагательные не смешиваются, в переносных же смыслах обнаруживают возможности сближения, взаимно обуславливают семантические варианты». По ее мнению, цветовые прилагательные по происхождению метафоричны и зачастую фразеологизируются [32, с.84].

Для нашего исследования подобный взгляд на проблему «приращения смысла» у цветовых прилагательных представляет определенный интерес, тем более что влияние культурно-исторической эпохи на возникновение новых ситуативных и ассоциативных значений слов доказывается А. А. Брагиной.

К сожалению, мало внимания уделяется автором генитивным словосочетаниям для цветообозначения (цвета малины, кофе, мёда и т.п.), так

как она считает данную группу цветообозначений грамматически замкнутой, и со строгой синтаксической последовательностью. Но, по нашим наблюдениям, подобные конструкции обладают широкой синтаксической сочетаемостью и являются продуктивными, с точки зрения развития новых значений слов и словосочетаний.

Цветообозначения, входящие в группу генетивных словосочетаний, носят достаточно условный характер, поскольку неточно обозначают цвет. По этой причине в переносных осмыслениях, выходя за пределы цветовой корреляции, они обнаруживают широкие возможности для противопоставлений и сближения, взаимно обуславливают переносное употребление и семантические вариации. А это, в свою очередь, даёт богатые возможности для создания их многоплановости и символики, создавая внутренние логические связи в тексте.

Выводы к первой главе

1. В работе была принята следующая дефиниция в качестве рабочей: «цвет является качественной субъективной характеристикой электромагнитного излучения оптического диапазона, которая определяется на базе физиологического зрительного ощущения и зависит от ряда физиологических, психологических и физических факторов.

2. Существует несколько классификаций цветообозначений, но, на наш взгляд, они не являются достаточно полными, и поэтому в ходе нашего исследования мы пытаемся составить свою классификацию цветообозначений.

3. Существует три пути возникновения полисемии у слов, обозначающих цвет. Первый – когда прямое (цветовое) значение слова перерастает в переносное нецветовое, но психологически и эмоционально связанное именно с восприятием цвета. Второй путь - когда прямое значение (нецветовое) перерастает в переносное цветовое значение. В этом случае в символике цвета явно прослеживается психоэмоциональная связь с понятием, предметом, давшим название цвету. Третий путь - когда цветообозначения из одной сенсорной модальности переносятся в другую (т.е. путь языковой синестезии).

4. Цвет является компонентом культуры, он окружен сетью ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. Поэтому цвет является одной из основных категорий культуры, фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, о своеобразии исторического пути народа, о взаимодействии различных этнических традиций, об особенностях художественного видения мира.

5. Каждый носитель языка, воспринимая и воспроизводя цветовую картину мира, основывается не только на абсолютном цветовом, но и на своем ощущении от восприятия того или иного цвета, отмечая, зачастую на

уровне подсознания, «ассоциативные признаки», иначе говоря, коннотации, которые сопутствуют тому или иному обозначению цвета.

6. Все перечисленное выше необходимо учитывать, как методологическую основу в предпринимаемом нами сопоставительном анализе цветообозначений в таджикском, английском и русском языках.

ГЛАВА II. СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ТАДЖИКСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной главе диссертационного исследования рассматриваются структурные и семантические особенности цветообозначений в таджикском, английском и русском языках. В целях рациональной классификации и всестороннего исследования структурных и семантических особенностей слов и терминов цветообозначения, мы предпочли провести классификации данной группы слов в соответствии с их частеречной принадлежностью.

2.1. Частеречная принадлежность цветообозначений

Анализ и интерпретация собранного нами материала показывает, что в исследуемых языках цветообозначения различаются по частеречной принадлежности. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что цвет представлен по-разному: как сущностный признак предмета, как отвлеченное его название, как процесс, как процессуальный признак предмета.

В первом случае, цвет обозначен в исследуемых языках прилагательным и во втором – существительным или так называемым «признаковым именем», а в третьем случае цвет обозначен глаголом (см. таблицу №3).

Таблица № 3

Цветообозначения в системе частей речи

Части речи	прилагательные	существительные	глаголы
Языки			

таджикский	сурх, кабудтоб, гулоби, гулгун, пирузаранг;	сурхй, сафедй, сиехй, зардй; сурххо, сафедхо.	сурх шудан, зард шудан;
английский	yellow, red, snowy, ashen, sky-blue;	redness, whiteness;	to red, to whiten, to turn black;
русский	красный, сиреневый, белоснежный, ярко-розовый	краснота, синева, белизна, чернота, желтизна; красные, белые (белогвадейцы)	краснеть, синеть, становиться желтым.

Следует отметить, что в зависимости от принадлежности к частям речи, слова, обозначающие цвет, меняют свои определенные функциональные особенности, однако во всех случаях атрибут цвета рассматривается во всех случаях функциональной реализации данной группы слов.

Хотя в исследуемых языках все слова и термины цветообозначения в основном принадлежат именам прилагательным, мы также сталкиваемся с явлениями принадлежности данной группы слов к другим частям речи, которые происходят в результате субстантивации или конверсии. Следует отметить, что обычно при переходе в другую часть речи меняются функциональные и даже некоторые структурные особенности слов и терминов цветообозначения, но на этом остановимся в соответствующих разделах и рассмотрим данный вопрос на конкретных примерах.

2.2. Прилагательные цветообозначения

Имя прилагательное уже в силу своего категориального грамматического значения, в основе которого лежит идея качества, является одним из самых важных средств цветообозначения. В сопоставляемых языках основная, и большая часть цветовой лексики, относится к разряду прилагательных, как непроеизводных, так и производных.

Цветовые прилагательные в сопоставляемых языках относятся к рязряду качественных прилагательных. Качественные прилагательные во всех трех сопоставляемых языках имеют следующие структурные признаки.

1. Они могут иметь формы субъективной оценки с разными частными значениями. Например: **сурхтоб (сурхча, сурхчатоб) – reddish – красноватый; сурх – сурхак – сурхакак; синий – синенький – синющий.**

2. Имеют степени сравнения, например: **сурх – сурхтар – сурхтарин, red – redder – reddest, красный – краснее – самый красный.**

Цветообозначения во всех трех сопоставляемых языках имеют те или иные ограничения в образовании степеней сравнения, чаще всего – превосходной степени.

3. От них образуются так называемые «имена невидимых миров», иначе говоря, признаковые имена. Например:

сурх – сурхй
red – redness
красный – краснота

Например:

The west, too, was warm: no watery gleam chilled it seemed as if there was a fire lit, an altar burning behind its screen of marbled vapour, and out of apertures shone **a golden redness**. (244, с.146)

(Закат алел теплым сиянием, дождевые тучи не омрачали его. Казалось, среди мраморных облаков горит огонь, зажженный на алтаре, и через эту завесу просвечивает золотистый багрянец.)

... дар хонаи хоб сару либоси нав пӯшида, ба рӯй **сафедиву сурхй** зада, мӯйҳояшро ба тартиб медаровад. (242, с.104)

(...надевая новое платье, нанеся румянец на щеки, привела свои волосы в порядок.)

4. В русском языке качественные прилагательные (в том числе и цветообозначения) имеют полную и краткую формы: **красный – красен – красна – красно – красны, белый – бел – бела – бело – белы**. Например:

Ее туманный диск был **багрово-красен**; казалось, она бросила мне печальный, растерянный взгляд и снова спряталась в густой пелене облаков. (240, с.159)

Но непроходимой границы между качественными и относительными прилагательными нет: относительные часто переходят в разряд качественных. Многие цветообозначения – это переосмысленные относительные прилагательные, т.е. окачествленные относительные прилагательные. Например: **косаи заррин** (золотая чаша, сделанная из золота) – **мўйхои заррин** (золотые, рыжие волосы); **snowy mountains** (снежные, покрытые снегом горы) – **snowy hair** (седые, белые волосы); **розовый лепесток – розовое платье**. Например:

...both ceiled with **snowy** mouldings of white grapes and vine-leaves, beneath which glowed in rich contrast **crimson** couches and ottomans; (244, с.60)

...**белоснежный** потолок, украшенный лепными виноградными гроздьями, прекрасно гармонировал с **пунцовыми** диванами и оттоманками; (240, с.60)

Окачествленные относительные прилагательные иногда приобретают грамматические признаки чисто качественных прилагательных, например, способность иметь формы степеней сравнения:

Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что **телесней**,
То трепетал в предчувствии теней.

В. Брюсов (257)

Или же в русском языке могут иметь краткую форму, например:
Перерытая земля огородов была **лилова**. К. Федин (267)

2.2.1. Структурные типы прилагательных цветообозначения

По структуре мы разделили цветковые прилагательные на две группы: непроизводные (таких меньшинство) и производные (таких подавляющее большинство). Среди производных мы разграничиваем следующие типы: конверсивы (т.е. цветковые прилагательные, образованные на основе конверсии), моноксемные цветковые прилагательные, в ряд которых входят простые моноксемные цветообозначения и композиты (т.е. сложные моноксемные цветообозначения), и полилексемные цветковые прилагательные (цветообозначения-словосочетания) (см. таблицу №4).

Таблица №4

Типы производных цветковых прилагательных

Производные цветковые прилагательные			
Цветовые прилагательные образованные на основе конверсии (конверсивы)	Моноксемные цветковые прилагательные		Полилексемные цветковые прилагательные (словосочетания)
	Простые моноксемные	Сложные моноксемные (композиты)	
<p>1. Конверсивы, образованные от простых непроизводных существительных: rose, pink, violet – в английском языке; лаъл, заъфарон – в таджикском языке.</p> <p>2. Конверсивы, образованные от сложных существительных: raspberry, rowanberry – в английском языке; мағзиписта, гулинор, мошбиринч – в таджикском языке.</p>	<p>1. Суффиксальные образования а) отсубстантивные – переосмысленные: bronzed, snowy, olivaceous – в английском языке; норанҷӣ, нилгун, заррин – в таджикском языке; вишневый, изумрудный, телесный – в русском языке;</p> <p>б) от адъективные: bluish, greeny – в английском языке; сафедак, зардчатоб – в таджикском языке; синенький, красноватый – в</p>	<p>1. Состоящие из двух основ: cotton-white, dark-brown, Oxford-blue – в английском языке; бледно-розовый, кроваво-красный, черно-белый – в русском языке.</p> <p>2. Состоящие из трех основ: сине-бело-красный – в русском языке.</p> <p>3. Редупликация: сап-сафед, кап-кабуд – в таджикском языке; синий-пресиний,</p>	<p>1. Цветообозначения описательного характера: clouds of tin, cheeks of cream and roses – в английском языке; ранги гули каду, ранги барги карам – в таджикском языке; цвета меда, цвета морской волны, цвета увядшей розы – в русском языке.</p> <p>2. Сравнительные конструкции: brown as owl, black as ebony, golden like the wild bee's honey – в английском языке; ангишт барин сиёх, монанди гул сурх – в таджикском языке; зеленый как бирюза, (щеки) как маков</p>

	русском языке. 2. Префиксальные образования: пресиний, пречерный – в русском языке.	черный-пречерный – в русском языке.	
--	--	--	--

2.2.1.1. Непроизводные прилагательные цветообозначения

Число производных цветовых прилагательных во всех трех сопоставляемых языках ограничено. Ряд производных цветовых прилагательных представляют определенное количество названий основных (базовых) цветов: **сафед, сиёх, сурх, кабуд, сабз, зард** в таджикском языке; **white, black, grey (gray), red, blue, green, yellow, brown** в английском языке; **белый, черный, серый, красный, синий, зеленый, желтый** в русском языке.

Наши наблюдения показали, что подавляющее большинство производных цветовых прилагательных, обозначающих базовые цвета, во всех трех сопоставляемых языках типологически одинаковы, как в плане выражения, так и в плане содержания, и имеют полные эквиваленты:

сафед – white – белый;
сиёх – black – черный;
сурх – red – красный;
кабуд – blue – синий;
сабз – green – зеленый;
зард – yellow – желтый.

Например:

Дар чашмони **сиёхи** бодомшакли вай оташи умеду орзу дармегирифт (243, с. 45).

She was a big woman, and had long **black** hair: we could see it streaming against the flames as she stood (244, с. 259).

Высокая женщина, длинные **черные** волосы; они так и развевались среди пламени (240, с. 244).

В отдельных случаях некоторым таджикским непроизводным базовым цветам в сопоставляемых языках могут соответствовать два или более непроизводных базовых цвета, объяснение которых дается ниже в данном параграфе (см. таблицу №5).

Таблица №5

Соответствия непроизводных базовых цветов в таджикском, английском и русском языках

В таджикском	В английском	В русском
сафед	white, grey	белый
сиё	black, brown	черный
сурх	red	красный
сабз	green	зеленый
зард	yellow	желтый
кабуд	blue, green, grey (gray)	синий, серый
-	grey(gray)	серый
-	brown	-

Исключение составляют эквиваленты английского **brown** в таджикском и русском языках, которые по структуре являются производными **кахваранг – коричневый**, и в таблице указаны прочерком. Другим исключением являются эквиваленты английского **grey** и русского **серый** в таджикском языке – это производное цветообозначение **хокистарранг**.

Например:

... they were uniformly dressed in **brown** stuff frocks of quaint fashion, and long holland pinafores (244, с. 25).

На всех были одинаковые **коричневые** шерстяные платья старомодного покроя и длинные холщовые передники (240, с. 27).

Лекин он мард ришу мўйлаби **кахваранг** дошт (243, с. 58).

Согласно таблице, в некоторых случаях, как в описании масти животных, цвета волос или глаз, эквивалентом таджикского **сафед** может

быть английский **grey**, а эквивалентом таджикского **сиёҳ** может быть **brown** а **английском языке**. Например: мӯйҳои сафед – grey hair (седые волосы), хирси сиёҳ – brown bear (бурый медведь).

Таджикское прилагательное **кабуд** отличается своей многозначностью, так как данный цвет, как указано в таблице, может быть эквивалентом **blue, green, grey** в английском и **синий, серый** в русском.

Согласно «Фаръанги забони тоҷикӣ», в таджикском языке слово **кабуд**, в первую очередь выражает значения **небесный цвет**, т.е. **голубой/синий** [225].

По русско-таджикскому словарю под редакцией М.С. Асимова прилагательные **кабуд** и **сабз** даются как эквивалент зеленого, т.е. **кабуд** может также реализовать значение **зеленый**, например: чашмони кабуд – зеленые (также серые, голубые) глаз, нах=ди кабуд – зеленый горошек, мащзори кабуд – зеленый луг, дарахтони кабуд – зеленые деревья, себи кабуд – зеленое яблоко, баргҳои кабуд – зеленые листья [221].

В третьем значении **кабуд** является эквивалентом прилагательного **серый** и используется, в основном, в описании масти животных и птиц.

В сопоставляемых языках существует группа производных цветовых прилагательных, которые обозначают неосновные (небазовые) цвета. Такие производные прилагательные обозначают оттенки цвета (цветообозначения для части спектра, являющейся «куском» части спектра, обозначенной каким-либо основным цветообозначением) и предметно ограниченные цветообозначения (цветообозначения с ограниченной лексической сочетаемостью, ограниченные по денотату, например, цвета по масти животных, по окрасу кожи, волос, глаз и др.): **ол, асмар, малла, ало, чипор, аблак, ашхаб, адхам, турук, бур** в таджикском; **cerulean, perse, vermeil, crimson, scarlet, cerise, mauve, ficelle, florid, mulatto, tan, swarthy, blond, tawny, auburn, bay, sorrel, dun, roan** в английском; **алый, карий, седой, русый, рыжий, смуглый, чалый, бурый, пегий, сизый, смурый, сивый** в русском языке. Примеры:

... моргазида аз ресмони **ало** метарсад, мегӯянд, ...(243, с. 27)

(... говорят, укушенный змеёй боится пестрой веревки, ...)

The **crimson** curtain hung before the arch, ... (244, с. 101).

(... с арки спускался **пунцовый занавес**).

Folds of **scarlet** drapery shut in my view to the right hand; to the left were the clear panes of glass, protecting, but not separating me from the drear November day (244, с. 3).

Тяжелые складки **пунцовых** драпировок загораживали меня справа; слева оконные стекла защищали от непогоды, хотя и не могли скрыть картину унылого ноябрьского дня (240, с. 6).

Чинҳои вазини пардаҳои **лолагун** маро аз тарафи рост паноҳ мекарданд (241, с. 6)

She made such a report of me to her father, that Mr. Oliver himself accompanied her, next evening a tall, massive-featured, middle-aged, and **grey-headed** man, at whose side his lovely daughter looked like a bright flower near a hoary turret (244, с. 222).

Она так расхваливала меня своему отцу, что на следующий вечер мистер Оливер сам явился ко мне с дочерью; это был крупный **седой** человек средних лет, рядом с которым его прелестная дочь выглядела, как стройное деревце подле древней башни (240, с. 211).

Ў маро чунон ба падараш таъриф кардааст, ки фардои он рӯз чаноби Оливер ҳамроҳи духтараш ба хонаам омад; вай марди миёнсоли **сарсафеди** тануманд буд ва духтараш дар паҳлӯяш дарахти сарв дар назди қалъаи уадимаро мемонд (241, с. 349).

На ней было также восточное одеяние - широкий **алый** шарф опоясывал ее бедра, на голове был вышитый платок, ее чудесные руки были обнажены до плеч; одной рукой она грациозно поддерживала на голове кувшин (240, с. 105).

She, too, was attired in oriental fashion: a **crimson** scarf tied sash-like round the waist: an embroidered handkerchief knotted about her temples; her beautifully-

moulded arms bare, one of them upraised in the act of supporting a pitcher, poised gracefully on her head (244, с. 109).

Вай ҳам дар либоси шарқиёна; локи пахни **нақшин** гирди миёнаш печонида шуда, дар сараш рӯймоли зардӯзӣ, дастони сафсафедашро то бозувон урён; кӯзаеро сари китф ниходааст (241, с. 179).

В данной группе цветообозначений полными эквивалентами, как в плане содержания, так и в плане выражения, во всех трех сопоставляемых языках являются:

малла – blond – русый;

асмар – mulatto, swarthy – смуглый;

ол – florid – румяный (о лице);

адхам, туруқ – bay, sorrel – гнедой;

ашхаб – dun – буланный.

Например:

His dark eyes and **swarthy** skin and Paynim features suited the costume exactly: he looked the very model of an Eastern emir, an agent or a victim of the bowstring. (244, с. 109)

Его темные глаза, **смуглая** кожа и резкие черты как нельзя больше соответствовали такому костюму: он выглядел настоящим восточным эмиром, героем экзотической легенды. (240, с. 105)

Махдӣ – марде буд **асмар**, дарозболо ва сурхмӯй ва дар чашми росташ як нуқтаи сафед буд. “Таърихи Табарӣ” (225, с. 92)

В таджикском языке **асмар** встречается только в художественной литературе. В языке существует синонимы данного слова, которые являются производными и употребляются намного чаще: **сабзина**, **гандумгун**, **гандумранг**.

Также наблюдаются полные соответствия в двух языках. В английском и русском:

vermeil – алый;

crimson – алый;

scarlet – алый;

roan – чалый.

В таджикском и русском:

бӯр – карий, бурый (масти животных);

ало, чипор, аблақ – пегий.

Например:

... the table at the foot of the bed was covered with a **crimson** cloth; ... (244, с. 7)

... стол в ногах кровати покрыт **алым** сукном, ... (240, с. 9)

При переводе текстов могут допускаться структурные несоответствия в названиях цвета, поскольку в сопоставляемых языках вышеназванные цветообозначения могут быть заменимы их синонимами, или близкими по значению словами, например:

Мне хотелось, чтобы у меня были румяные щеки, точеный нос и маленький **алый** ротик, хотелось быть высокой, стройной и хорошо сложенной;... (240, с. 57)

I sometimes wished to have rosy cheeks, a straight nose, and small **cherry** mouth; I desired to be tall, stately, and finely developed in figure;... (244, с. 58)

В отдельных случаях в сопоставляемых языках неизменяемым прилагательным, обозначающим предметно ограниченные цветообозначения, соответствуют неизменяемые базовые цвета.

Так, например, неизменяемому русскому прилагательному **карий** в описании цвета глаз соответствуют неизменяемые названия базовых цветов, в английском – **brown**, а в таджикском – **сиёх**. Например:

... **карие** глаза с тонкой каймою длинных ресниц, полные ясности и благожелательности, оттеняли белизну высокого крутого лба ... (240, с. 29)

... **brown** eyes with a benignant light in their irids, and a fine pencilling of long lashes round, relieved the whiteness of her large front ... (244, с. 27)

... бо остини дасти дигар даҳонашро мепӯшиду бо чашмони **сиёҳи** физолона мусофирони моро мегуселонид (242, с. 36)

Brown, в описании масти животных, также является эквивалентом производных прилагательных **бурый** в русском и **бур** в таджикском языках. Например: brown bear – бурый медведь — хирси бўр.

Непроизводному русскому прилагательному **седой**, выражающему, в основном, цвет волос, соответствуют производные названия базовых цветов в английском – **grey** и в таджикском – **сафед**.

Непроизводному русскому прилагательному **рыжий**, выражающему окрас масти животных, цвет волос, соответствуют производные названия базовых цветов в английском – **red**, соответственно, в таджикском – **сурх**.

Непроизводному русскому прилагательному **сивый** соответствуют производные названия базовых цветов в английском – **grey** и в таджикском – **кабуд**.

В таджикском языке название базового цвета **сиёҳ** в разговорной речи обозначает также и **смуглый**, но в литературной речи вместо **сиёҳ** часто используются синонимы **сабзина**, **гандумгун**, **гандумранг**, которые являются производными.

В остальных случаях (а их большинство) в сопоставляемых языках расхождения в плане выражения самые разные: производному цветообозначению соответствуют простые производные, композиты и даже целые словосочетания.

Например, русскому и английскому производным **чалый**, **roan** в таджикском языке соответствуют простые производные **хокистарӣ**, **хокистарранг**.

Английские производные **vermeil**, **crimson**, **scarlet** и русский **алый** в таджикском языке выражается словосочетанием **сурхи баланд**.

Эквивалентом английского производного **cerulean** являются производные в таджикском **нилгун**, и русском - **небесно-голубой**.

Непроизводному английскому прилагательному **perse** соответствуют русские производные **темно-синий, серовато-синий** и таджикское производное **кабуди сиёхтоб**.

Эквивалент английского непроизводного **cerise** в русском языке выражается сложным производным (комполитом) **светло-вишневый**, а в таджикском – словосочетанием **сурхи кушод**.

Эквивалент английского непроизводного **mauve** в русском языке также выражается сложным производным (комполитом), а в таджикском словосочетанием: **розовато-лиловый – гулобии бунафштоб**.

Английскому непроизводному **mauve** в русском языке соответствует словосочетание **цвета небеленой ткани**. Эквивалента в таджикском языке не найдено.

Английскому непроизводному **auburn** соответствуют сложные производные – **золотисто-каштановый, темно-рыжий, рыжеватокоричневый** в русском и простое производное **хурмой** в таджикском.

Эквивалентом английского непроизводного **tan** являются производные в русском – **загорелый, желтоватокоричневый** и в таджикском – **гандумранг, гандумгун, сабзина**. В таджикском языке **сиёх** (черный) также передает значение **загорелый – tan**.

Английское непроизводное **tawny**, в зависимости от значений, имеет различные по структуре эквиваленты в таджикском и русском языках. Если в обозначении цвета кожи **tawny** соответствует непроизводным в таджикском и русском: **асмар – смуглый**, то в обозначении цвета глаз или масти животных данное цветообозначение соответствует уже производным в двух других сопоставляемых языках: **мешй, гусфандй – светло-коричневый** (о цвете глаз), **бӯри сурхтоб, чигарии сурхтоб – рыжеватобурый, рыжеватокоричневый** (о масти).

Русскому и таджикским непроизводным **пегий – ало, чипор, аблак** в английском языке соответствуют производные **skewbald, marked**.

Отличительной особенностью неизменяемых цветоческих прилагательных русского языка от сопоставляемых языках является то, что они имеют две формы – полную и краткую. Исключением является слово **карий**.

Неизменяемые цветоческие прилагательные в русском языке имеют по четыре кратких словоформы: мужского рода, женского рода, среднего рода и множественного числа. Например: **бел, бела, бело, белы; черен, черна, черно, черны; сер, сера, серо, серы; красен, красна, красно, красны; желт, желта, желто, желты; зелен, зелена, зелено, зелены; синь, синя, сине, сини**.

Как полные, так и краткие формы цветоческих прилагательных достаточно широко используются в поэзии и вообще в художественной литературе:

Солнце за горою тумана

Желто, как вставший больной.

И. Анненский (254)

...Кругом пестреет лес **зеленый**;

Уже румянит осень клены,

А ельник **зелен** и тенист;

Осинник **желтый** бьет тревогу;

Осыпался с березы лист...

А. Н. Майков (262)

В ней сила играющей крови

Хоть смуглые щеки **бледны**, ...

А. Блок (255)

... и как ни **белы**, как ни прекрасны ее обнаженные руки... он найдет еще лучше. Л. Н. Толстой (265)

Как показывают примеры, русские краткие прилагательные значительно отличаются от прилагательных полных как по своей синтаксической функции, так и по своей семантике.

В синтаксическом плане краткие прилагательные закреплены только за позицией сказуемого (предицирующего компонента), тогда как полные формы занимают позиции чаще присловных распространителей (традиционно называемых определением) и позицию предицирующего компонента предложения (сказуемого).

Например: «Лицо у него было **красно//красное**», но только «красное» в случае «Она с тревогой посмотрела на его **красное лицо**».

По семантике русские краткие и полные формы прилагательных также имеют существенное различие: полные формы обычно называют сущностный (постоянный) признак, а краткие формы – проявляющийся в определенное время. Например: В клумбе виднелась **красная** роза. Сегодня щеки ее были **красны**.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что в сопоставляемых языках группу непроеизводных составляют прилагательные, обозначающие как базовые цвета, так и некоторые цветовые оттенки.

Примеры показывают, что в сопоставляемых языках непроеизводным цветообозначениям, особенно английским, часто соответствуют разные производные названия (суффиксальные названия, композиты и словосочетания).

Отличительной чертой непроеизводных цветообозначений русского языка от сопоставляемых языков является их наличие в краткой форме.

2.2.1.2. Производные прилагательные цветообозначения

Производные цветовые прилагательные в сопоставляемых языках бывают следующих типов:

- а) конверсивы (т.е. образованные на основе конверсии);
- б) моноксемные;
- г) полилексемные (цветообозначения-словосочетания).

2.2.1.2.1. Конверсивы

Конверсивами называют слова, образованные на основе конверсии. Так, Е. С. Кубрякова конверсию истолковывает следующим образом: «Конверсия – способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [219, с. 235].

В английском и таджикском языках состав цветowych прилагательных часто пополняется за счет конверсии, в данном случае адъективации имен существительных. При этом цветowych прилагательные образуются от имен существительных, как простых, так и производных, без помощи специальных словообразовательных средств, а значит, без каких-либо изменений во внешней форме слова.

Адъективация имен существительных, в результате которой образуются новые цветowych прилагательные, часто наблюдается при использовании названий предметов как прототипов цветowych значений.

Как в английском, так и в таджикском языках существуют такие адъективированные существительные, которые закрепились и прочно вошли в язык как прилагательные.

Например, в таджикском языке слова заъфарон (1. шафран; 2. шафранный, оранжево-желтый), лаъл (1. рубин, красный драгоценный камень; 2. рубиновый, сочный красный), гулнор / гулинор (1. цветок граната; 2. ярко-красный, цвета цветка граната), мошбиринч (1. название национального блюда; 2. седой). В английском языке слова pink (1. гвоздика; 2. розовый), rose (1. роза; 2. розовый), violet (1. фиалка; 2. фиолетовый), hazel (1. лесной орех; 2. карий).

... the walls were a soft fawn colour with a blush of **pink** in it; the wardrobe, the toilet-table, the chairs were of darkly polished old mahogany (244, с. 7).

Стены обтянуты светло-коричневой тканью с **красноватым** рисунком;... (240, с. 10).

... as pure hues of **rose** and **lily** as ever her humid gales and vapoury skies generated and screened, justified, in this instance, the term (244, с. 218).

... более чистых оттенков цвета **роз** и **жасмина** не лелеяли его влажные ветры и облачные небеса (240, с. 208).

... ба сар аз болои мӯи **мошубиринч** саллаи сафед баста буд (243, с. 53).

(... на седые волосы наматывал белую чалму.)

Ду атлас дар сандуке – яке **лаъл** ва яке сабз, ҳар ду ро бифирист (225, с. 597).

(Два куска атласа в сундуке – красный и зеленый, пришли обе.)

В английском языке адъективация имен существительных имеет особенно широкое распространение в образовании цветowych прилагательных. Важнейшей причиной этому можно считать ту особенность английского языка, которая состоит почти в полном отсутствии в этом языке морфологических показателей частей речи.

Например: **rowan-berry** lips (красные губы, букв.: красные, как рябина, губы), **ivory** throat (белая шея, букв.: белая, как слоновая кость, шея), **ebony** cliffs (черные скалы, букв.: черные, как эбеновое дерево, скалы), **raspberry** blouse (малиновая блузка), **strawberry** mole (красная родинка, букв.: красная, как земляника, родинка), **ginger** hair (рыжие волосы, имбирные волосы), **violet** eyes (фиолетовые глаза), **hazel** eyes (карие глаза, букв.: светло-коричневые, как лесной орех, глаза).

... Whose eyes were blue, with **rowan-berry** lips,

With hair curled honey-colored to white hips.

R. Graves (271)

She looked wonderfully beautiful with her grand **ivory** throat...

O. Wilde (277)

В таджикском языке адъективация имен существительных, в результате которой образуются цветковые прилагательные, наблюдается в основном в художественной литературе и в поэзии.

Например: чехраи **гулно**р (красные, румяные щеки, букв. красные, как гранатовый цветок, щеки), лаби **лаъл** (красные губы, букв. красные, как рубин, губы), лолаи **лол** (красный тюльпан, букв. красный, как рубин, тюльпан), абри **обнус** (черное облако, букв. черное, как эбеновое дерево, облако), **обгина** санг = санги **обгина** (голубой камень, букв. голубой, как стекло, камень), гунбади **мино** (голубое небо, букв. голубое, как стекло, небо), гунбади **фирӯза** (голубое небо, букв. голубое, как бирюза, небо), риши **мошбиринч** (седая борода, борода с проседью).

Чехраи гулнор дорад ёри мо,

Қасди сад бемор дорад ёри мо. Ибни Ямин

(225, с. 285)

Бикшо ба пурсишам **лаби лаъл**у расон ба ком,

Ҷонро аз он муфарриҳи ёкути дилкушо. Салмони Соваҷӣ

(225, с. 586)

Лаби лаъли Рудоба пур ханда кард,

Рухони муасфар суви банда кард. Фирдавсӣ

(225, с. 710)

Ду лаб чу нори кафида, ду рух савсани сурх,

Ду рух чу нори шукуфта, ду лаб чу **лолаи лол**. Унсурӣ

(225, с. 603)

Ту гуфтӣ, ки **абре** ба ранг **обнӯс**

Биёмад, биборид аз ӯ сандарӯс. Фирдавсӣ

(225, с. 893)

Ҷуръаи ҷом бар ин тахти равон афшондам,

Ғулғулаи чанг дар ин **гунбади мино** фигандам. Ҳофиз

(225, с. 690)

Мутриби хушлаҳча ба он дар навест,
Гунбади фирӯза аз он пурсадост. Чомӣ

(226, с. 292)

- Ту магар ин **риши мошбиринчи** маро мошу биринҷ гуфта мефахмӣ,
ки ин қадар тит мекунӣ? – пурсид ӯ хандакунон аз Чамил (242, с. 235).

В русском языке редко встречаются цветочные прилагательные, которые образовались в результате адъективации существительных, выявлено только **бордо**.

Конверсионный способ образования новых слов, в нашем случае цветочных прилагательных, дает большие возможности для всякого рода окказиональных цветообозначений, для авторских новаций. Например: «dark woodland eyes» (O. Wilde) – темно-зеленые глаза, букв. как темный лес зеленые глаза; «рӯймоли мағзиписта» – зеленый, фисташковый платок.

Как в английском, так и в таджикском языке, конверсивы мы разделили на две группы: конверсивы, образованные от простых непроизводных существительных, и конверсивы, образованные от сложных существительных.

В английском языке группа **конверсивов, образованных от простых непроизводных существительных**, охватывает значительное число цветочных прилагательных (см. таблицу № 6)

Таблица № 6

Конверсивы, образованные от простых непроизводных существительных в английском языке, и их соответствия в таджикском и русском языках.

Конверсивы от простых непроизводных существительных в английском языке	Их соответствия	
	в таджикском языке	в русском языке
amber	қаҳраборанг, қаҳрабогун	Янтарный
apricot	норинҷии зардтоб	абрикосовый, оранжево-

		желтый
aqua	кабуди сабзтоб	цвета морской волны
berry	Қаҳваранг	кофейного цвета
bronze	зарди хӯлагӣ, зарди қаҳваранг	Бронзовый
buff	чигарии паст, зарди пасти гулобитоб	светло-коричневый, палевый, цвета буйволовой кожи
burgundy	сурх, майгун	красный, цвета бургундского вина
camel	қаҳваранги зардтоби паст	цвета верблюжьей шерсти, светлый желтовато-коричневый

Как уже было отмечено, цветочные прилагательные могут образовываться путем конверсии не только от простых, но и от сложных имен существительных (см. таблицу № 7).

Таблица № 7

Конверсивы, образованные от сложных существительных в английском языке, и их соответствия в таджикском и русском языках.

Конверсивы от простых непроизводных существительных в английском языке	Их соответствия	
	в таджикском языке	в русском языке
Cornflower	<i>кабуди равшан, кабуди кушод</i>	васильковый, ярко-синий
Cornsilk	-	шелковый оттенок
Goldenrod	тиллоранг	золотистый
Nutmeg	-	цвета мускатного ореха
Peachpuff	<i>норанҷии зардтоб</i>	<i>персиковый</i>
Raspberry	сурхи сиёҳтоб	малиновый
Seafoam	-	цвета морской пены
Seashell	-	цвета морской раковины

По данным примерам в таблицах можно сделать выводы, что несмотря на наличие конверсивов-цветообозначений в сравниваемых языках наблюдается достаточно существенное расхождение в плане их выражения. Наблюдения показывают, что из шестидесяти четырех примеров в сравниваемых языках полное соответствие как в плане содержания, так и в плане выражения имеют всего небольшое количество, а точнее три конверсива-цветообозначения (от непроизводных существительных): **лаъл – rube, заъфарон – saffron, пирӯза (фирӯза) – turquoise**. В трёх случаях, т.е. английским конверсивам **cornsilk, seafoam** и **seashell**, не удалось найти соответствий в таджикском языке.

В остальных же случаях соответствие в плане выражения в сравниваемых языках имеет дифференционный характер, то есть английским конверсивам-цветообозначениям (как от простых, так и от производных существительных) в таджикском языке соответствуют в основном простые производные (как например: *amber* – қаҳрабогун, *rose* – гулобӣ), композиты (например: *snow* – сап-сафед, барфранг, *pearl* – марворидранг, садафмонанд) словосочетания (например: *camel* – қаҳваранги зардтоби паст, *cornflower* – кабудӣ равшан, кабудӣ кушод).

2.2.1.2.2. Монолексемные производные прилагательные цветообозначения

Монолексемные производные прилагательные цветообозначения (или же цветочные прилагательные) в сравниваемых языках образуются при помощи словообразовательных морфем, или же путем словосложения. Монолексемные цветочные прилагательные бывают: простые и сложные.

Простые монолексемные цветочные прилагательные. В сопоставляемых языках в образовании простых монолексемных цветочных прилагательных достаточно значительное место имеет суффиксальное словообразование.

Цветовые прилагательные могут образоваться при помощи суффиксов от разных основ: от основ имен существительных, обозначающих в основном неживую природу, флору и фауну, плоды и овощи, цветы, драгоценные камни, продукты человеческой деятельности и т.п. (отсубстантивные цветовые прилагательные) и от основ имен прилагательных, обозначающих цвет (атадъективные цветовые прилагательные).

В сопоставляемых языках существует группа суффиксов, которая образует только отсубстантивные цветовые прилагательные, т.е. образует цветовые прилагательные от основ имен существительных и выражает значение «цветом похожий на то, что обозначено основой».

Другая группа образует только атадъективные цветовые прилагательные, т.е. цветовые прилагательные от основ имен прилагательных. Одна часть суффиксов этой группы выражает значение неполной степени качества, ослабленного качества, вносит оттенок «слегка», другая же часть (наличие которой наблюдается только в таджикском и русском языках) придает значение усиления признака с оттенком ласкательности.

Но суффикс -у английского языка, может образовать цветовые прилагательные от основ и имен существительных, и имен прилагательных. Поскольку суффикс -у с разными основами выражает разные цветовые значения, далее мы представим данный суффикс в виде -у1, передающий значение «цветом похожий на то, что обозначено основой» и -у2 выражающий значение ослабленного качества.

Для полного представления о суффиксальном образовании цветовых прилагательных в сопоставляемых языках далее приводится таблица (см. таблицу № 8).

Таблица № 8

Суффиксальное образование цветовых прилагательных в сопоставляемых языках

№	Направ-	значение	Группы	словообразовательных	суффиксов
---	---------	----------	--------	----------------------	-----------

Группы производных цветочных прилагательных	ление производности цветочных прилагательных	передающиеся в результате образования слова	цветочных прилагательных		
			в английском языке	в таджикском языке	в русском языке
1	От основ существительных	похожий по цвету на то что обозначено основой	-y1: coaly; -ine: argentine; -ed: bronzed; -en: flaxen; -ous (-eous): sulphureous; -aceous: olivaceous; -al: auroral; -ate: roseate.	-й (-гй): норанҷй; -гун: нилгун; -фом (-вом): азракфом; -нок: заъфарнок; -ин: заррин; -вор: ёкутвор; -ваш: аълваш; -осо: афакосо.	-ов- (-ев-): лиловый, сиреневый; -н-: песочный; -ян- (-янн-): льняной, серебрянный; -есн-: небесный; -енн-: соломенный; -ист-: золотистый; -чат-: дымчатый.
2	От основ прилагательных	Оттенок слегка	-y2: greeny; -ish: yellowish.	-ча: сафедча; -тоб: кабудтоб; -чатоб: зардчатоб.	-оват- (-еват-): беловатый, синеватый.
		Усиления признака с оттенком ласкательности	—	-ак (-як): сурхак, сиёяк; -акак (-якак): сурхакак, сиёякак.	-еньк-: красненький; -оватеньк- (-еватеньк-): голубоватенький, синеватенький; -ехонек-, -ешенек-: белехонек, белешенек. -ехонький-, -ешенький-: белехенький, белешенький

1) Отсубстантивные цветочные прилагательные

Исследуя словообразовательные суффиксы цветочных прилагательных в таджикском языке, нами было выявлено 8 суффиксальных словообразовательных моделей (далее в моделях N означает основу от существительных):

N+**-й (-гй)**, является продуктивным, образует цветочные прилагательные от самых разных основ имен существительных, обозначающие неживую

природу, драгоценные камни, растения, овощи, фрукты, цветы, продукты питания и т.п., например: **ақиқ-й** – красный, рубиновый, **арғувон-й** – красный, багровый, **аҳмар-й** – охровый, желто-красный, **дорчин-й** – коричневый, цвета корицы, **зайтун-й** – оливковый, желто-зеленый, **заъфарон-й** (**заъфар-й**) – шафранный, шафрановый, оранжево-желтый, **зумуррад-й** – изумрудный, ярко-зеленый, **ёқут-й** – рубиновый, рубинового цвета, красный как рубин, **кайвон-й** – глубокий черный, космический черный, **қаҳва-ғй** – кофейный, кофейного цвета, коричневый, **қирмиз-й** – пурпурный, **коҳ-й** – соломенный, бледно-желтый, **лаъл-й** – сочный красный, рубиновый, **марворид-й** – жемчужный, жемчужного цвета, ослепительно-белый, **мармар-й** – мраморный, ослепительно-белый, **мино-й** – бутылочный, бутылко-зеленый, стеклянный, голубоватый, **мис-й** – медный, красно-желтый, **муасфар-й** – шафранный, шафрановый, оранжево-желтый, **мум-й** – восковой, бледно-желтый, **нарғис-й** – желтый как нарцисс, **нил-й** – голубой, небесный, **нилуфар-й** – белый, лилейный, **норанч-й** – оранжевый, **озар-й** – огненный, красно-желтый, **олу-ғй** – сливовый, сливового цвета, **олуболу-ғй** – вишневый, вишневого цвета, **осмон-й** – голубой, небесный, **пиёз-й** – бледно-желтый, цвета репчатого лука, **райҳон-й** – зеленый, цвета базилик, **руммон-й** – темно-красный, гранатовый, **рухом-й** – базальтовый, цвета вулканического черного камня, **рӯян-й** (**рӯнос-й**) – мареновый, **тилло-й** – золотой, золотистый, желтый, **уд-й** – черный как эбеновое дерево, **фирӯза-ғй** (**пирӯз-й**, **фирӯз-й**) – бирюзовый, голубовато-зеленый, **хокистар-й** – серый, пепельный, **хӯла-ғй** – бронзовый, золотисто-коричневый, **хурмо-й** – рыжий, красновато-коричневый, **шафак-й** – розовый, цвета заката.

Фирӯза шарм карду рӯяш **арғувонӣ** шуд. (243, с. 24)

(От стыда щёки Фирузы стали красными.)

Роҳ гаштани асп, абзоли вай, ранги **тилоии** вай ... ба чашми ӯ зебо метофтанд. (243, с. 61)

(Походка лошади, ее ум, ее золотистый цвет ... казались ему прекрасными.)

Дар ҳама чо, дар ҳар кас ин ранги сурхи **инқилобӣ** шӯълаафкан аст.
(243, с. 54)

*(Везде и у каждого сверкал красный **цвет революции.**)*

... талу теппаҳои зағораҳои рангашон сурхтоб, зарди паст, **пистоқӣ**
(242, с. 73)

*(... холмы красноватого, бледно-желтого, **фисташкового цвета.**)*

Баъд бӯхчаро кушода аз он як чакмани **пиёзии** пур аз дарбехро берун овард. (242, с. 32)

*(После он развязал узелок и вынул дырявый чекмень **желтого цвета.**)*

Петр берун баромада ба офтоби фурӯрафтаистода, ки ба абри болои худ ранги **гулобӣ** дода ба ақби кӯҳи баланде ғуруб мекард, нигоҳ карда монд. (242, с. 87)

*(Петр вышел на улицу и застыл, любясь на заходящее за высокие горы солнце, которое раскрасило облака в **розовый цвет.**)*

N+ **-гун**, является продуктивным, образует цветочные прилагательные от самых разных основ имен существительных, обозначающих неживую природу, драгоценные камни, растения, овощи, фрукты, цветы, продукты питания и т.п., например: **бед-гун** – зеленый с голубым оттенком, цвета ивы, **гандум-гун** – смуглый, загорелый, **гул-гун** – красный, красный как цветок, **динор-гун** – золотой, бледно-желтый как динар, **зар-гун** – золотой, золотистый, желтый как золото, **қир-гун** – черный как смола, **лола-гун** – красный как тюльпан, **май-гун** – красный как вино, **муасфар-гун** – шафрановый, шафранный, оранжево-желтый, **нил-гун** – голубой, небесный, **об-гун** – голубой (или зеленый), голубоватый, цвета воды, **оташ-гун** – огненный, **пирӯза-гун (фирӯза-гун)** – бирюзовый, голубовато-зеленый, **садаф-гун** – фарфорный белый, ослепительно-белый, **симоб-гун** – серебряный, **унноб-гун (=унноб-ӣ)** – желтовато-красный, **хуршед-гун** – красновато-желтый, желтый как солнце, **шаб-гун** – черный как ночь, **шангарф-гун** – красно-коричневый (красно-коричневый минерал).

Яке аз рӯзҳои аввали тирамоҳ, лаъли заррини офтоб ба канори ғарбии дастурхони **нилгуни** осмон расида, ҳаракаташ хеле кам шуда буд. (243, с. 89)

(Ранной осенью, лучи золотого солнца на краю голубого неба слабо грели.)

Аз хурми оташи оташдон ҳар ду рухсораи вай **гулгун** гашта, ба хусни баркамоли вай ҳусн афзуда буд. (243, с. 127)

(Ее щеки, покрасневшие от тепла огня в очаге, делали ее еще красивее.)

... мавзунқомат, **гандумгун**, бодомқавок, чашму абрӯсиёҳ, ... (243, с. 91)

(... стройная, смуглая, миндалевидные, черные глаза и брови ...)

Чашмони **фирӯзгуни** Давлат пурашк буду лабаш аз хӯрӣ, аз гирия дарунӣ меларзид. (242, с. 219)

(Зеленые глаза Давлята были полны слез, а губы дрожали от внутренней боли и плачи.)

N+-фом (-вом), являється малопродуктивным, образует цветные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **мушк-фом** – черный, **гул-фом (-вом)** – красный как цветок, **хуршед-фом** – красное как солнце, **ёқут-фом** – рубиновый, красный как рубин, **азрақ-фом** – небесный, **мино-фом** – голубоватый, зеленоватый как стекло, **лаъл-фом** – рубиновый.

Шона занад чу моҳи ман турраи **мушкфомро**,

Сурмаи хомӯшӣ диҳад тӯтии хушқаломро. Соиб (225, с. 787)

(турраи **мушкфом** – черные кудри)

Зарду хамида гашта аз ғами ишқ –

Ду руҳи **лаълфому** қомати рост. Фарруҳӣ (225, с. 598)

(руҳи **лаълфом** – румяные щеки)

Ёр чун мебинад руҳи **гулфомро**,

Акси рӯяш чашмаи хуршед созад чомро. Ҳилолӣ (225, с. 284)

(руҳи **гулфом** – красные щеки)

Ирам ороми дил ниҳодаш ном

Хонд менуш чархи **минофом**. Низомӣ (225, с. 690)

(чархи **минофом** – голубоватое небо)

N+-ин, является малопродуктивным, образует цветные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **зарр-ин** – золотой, **сим-ин** – серебряный, **ақиқ-ин** – красный, рубиновый, **оташ-ин** – огненный.

Ҳама кӯху гулшан, хама дашту боғ,

Чаҳон чашмравшан аз **заррин** чароғ. Низомӣ (225, с. 442)

(**заррин** чароғ = чаро-и заррин – золотое светило)

Лола ту гӯи чу кӯдакест даҳанбоз,

Лаби **ақиқину** қарри комаш асвад. Манучехрӣ (225, с. 114]

(лаби **ақиқин** – красные губы)

N+-нок, является малопродуктивным, образует цветные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **оташ-нок** – огненно-красный; **заъфар-нок** – шафрановый, **гулоб-нок** – розовый.

Зи барқи дидаи парвона равшан мешавад шамъаш,

Руҳи ӯ аз нигоҳи гарм **оташнок** мегардад. Шавкат (225, с. 936)

(руҳи **оташнок** – огненно-красные щеки)

... ба меҳмонҳо лаълиҳои ширабор бо мураббоҳои **заъфарнок**, нишаллоҳои **гулобнок** ... гузоштанд. (243, с. 115)

(мураббоҳои **заъфарнок** – золотистое, шафранового цвета варенье, нишаллоҳои **гулобнок** – розовые нишаллы, сладости)

N+-осо, является непродуктивным, образует цветные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **шафақ-осо** – розовый.

N+-ваш, является непродуктивным, образует цветные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **лаъл-ваш** – красный, рубиновый.

... Бисёр лаби **лаълвашу** рӯи чу мох

Дар зери замину ҳуққай хок ниҳод. Хайем (225, с. 598)

(лаби **лаълваш** – красные, рубиновые губы)

N+ **вор**, является непродуктивным, образует цветové прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **ёқут-вор** – рубиновый, красный как рубин, **вашивор** – красный (красный как ваши, вашӣ – название ткани, которая производилась в городе Ваш Туркестана).

Рӯй **вашивор** кун ва вашӣ соғар,

Боғ нигоҳ кун, чи гуна **вашивор** аст. Хусравӣ (225, с. 229)

(боғи **вашивор** – красный сад)

Изучая вышеуказанные словообразовательные модели прилагательных цветообозначения в таджикском и английском языках, мы выявили их особенность, которая заключается в том, что некоторые из моделей могут использоваться как синонимы с одними и теми же основами. Например в таджикском языке: **гулфом**, **гулвом**, **гулгун** – красный как цветок; **вашифом**, **вашивор**, (от **ваш(ш)ӣ** – название красной шелковой материи, которую производят в городе Ваш Туркмении) – красный; **оташгун**, **оташин**, **оташнок**, **оташӣ** – красный как огонь; **ақиқфом**, **ақиқин**, **ақиқӣ** (ақиқ – драгоценный камень красного, иногда оранжевого цвета) – красный; **гулноргун**, **гулнорӣ** – красный как гранатовый цветок; **ёқутвор**, **ёқутфом**, **ёқутӣ** – красный как рубин; **лаълваш**, **лаълфом**, **лаълӣ** – красный как рубин; **шафақгун**, **шафақосо**, **шафақӣ** – красный, цвета заката; **минофом**, **миноӣ** – цвета стекла.

Руҳи **гулгунш** гашта заъфаронгун,

Лаби майгунш гашта осмонгун. Фахриддини Гургонӣ (225, с. 284)

(руҳи **гулгунш** - румяные щеки)

Ёр чун дар чом мебинад руҳи **гулфомро**,

Акси рӯяш чашмаи хуршед созад чомро. Ҷилолӣ (225, с. 284)

(руҳи **гулфом** - румяные щеки)

Ҷар **оташин** гуле, ки бар атрофии хоки мост,

Аз оташи дилу цигари чок-чоки мост. Ҳилолӣ (225, с. 934)

(**оташин** гул = гули оташин – красный цветок)

Соқие, як ҷуръае з-он оби **оташгун**, ки ман

Дар миёни пухтағони ишқи ӯ хомам ҳанӯз. Ҳофиз (225, с. 934)

(оби **оташгун** – красное вино)

Зи барки дидаи парвона равшан мешавад шамъаш,

Руҳи ӯ аз ниғаҳи гарм **оташнок** мегардад. Шавкат (225, с. 936)

(руҳи **оташнок** – красные щеки)

Чу бишнид Рудоба ин гуфтугӯй

Барафрӯхт, **гулноргун** гашт рӯй. Фирдавсӣ (225, с. 286)

(рӯи **гулноргун** – красные щеки)

Гаҳе бинмою, гаҳ пӯшида дор он рӯи **гулнорӣ**,

Чи ғам дорад туро, бигзор, то мирам ба душворӣ. Хисрави Дехлавӣ
(225, с. 286)

(рӯи **гулнорӣ** – красные щеки)

Наши исследования показали, что количество суффиксальных словообразовательных моделей цветowych прилагательных в английском языке равно количеству данных моделей в таджикском:

N+y1, является продуктивным, образует цветочные прилагательные от самых разных основ имен существительных, обозначающих овощи, продукты питания, цветы, драгоценные камни и т.п., например: **carrot-y** – морковный, рыжий, рыжеволосый, **ros(e)-y** – розовый, румяный, **cream-y** – сливочный, сливочного цвета, кремовый, кремового цвета, **dough-y** – бледный как тесто (о цвете лица), **milk-y** – молочный, молочно-белый, **liver-y** – темно-каштановый, цвета печени, **fawn-y** – желтовато-коричневый, цвета молодого оленя (оленинка), **fox+y** – рыжий, красно-бурый, **pearl-y** – жемчужный, жемчужного цвета, **grim(e)-y** – смуглый, цвета сажи, **reek-y** – дымный, цвета копоти, **smok(e)-y** – дымчатый, цвета копоти, **soot-y** – черный как сажа, черноватый, **snow-y** – белоснежный, белый как снег, **hoar-y** – седой, белый как иней, изморозь или густой туман, **grizzl(e)-y** – седой, серый

как необожженный кирпич, **chalk-y** – бледный, белый как мел, **ink-y** – чернильный, цвета чернил, **lak(e)-y** – лаковый (мед. о крови), цвета красочного лака, бледно-малиновый, **coal-y** – черный как уголь, **sand-y** – песочный, рыжеватый, **silver-y** – серебристый, цвета серебра, **slat(e)-y** – сланцевый, синевато-серый, **rust-y** – красновато-коричневый, желтовато-коричневый, цвета ржавчины. Например:

I have a **rosy** sky and a green flowery Eden in my brain; ... (244, с. 188)

В моей фантазии я вижу **алеющее** небо и цветущий рай, ... (240, с. 180)

Дар хобҳои рӯёниям осмони арғувонранг ва биҳиштро мебинам, ...
(241, с. 307)

... the horizon bounded by a propitious sky, azure, marbled with **pearly** white. (244, с. 62)

... и затем горизонт, а над ним высокое небо, лазурное, с **жемчужными** облаками. (240, с. 62)

... пасон уфуқ ва бар боляш осмони баланди лочвардиरो бо абрҳои **садафгун** дидам. (241, с. 103)

I was only aware that they had hoisted me up to the height of Mr. Brocklehurst's nose, that he was within a yard of me, and that a spread of shot orange and purple silk pelisses and a cloud of **silvery** plumage extended and waved below me. (244, с. 38)

Кто, не помню: я ничего не сознавала; я только видела, что стою на одном уровне с носом мистера Брокльхерста и что этот нос в двух шагах от меня, а подо мною волнуются оранжевые и лиловые шелка и целое облако **серебристых** перьев. (240, с. 39)

Валекин дар ёд надорам: ман ҳеҷ чизро дарк намекардам; фақат ҳаминро дидам, ки дар як сатҳ бо бинии чаноби Брокльхерст истодаам ва ин бинӣ ду кадам дуртар аз ман қарор дорад, дар зер бошад, пирохонҳои абрешимии норанҷию арғувонӣ ва як тӯда пари **симранг** мавҷ мезаданд.
(241, с. 63)

N+**-en**, является малопродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, обозначающих цветной металл, неживую природу, растение, например: **golden** – золотой; **wax-en** – восковой; **flax-en** – льняной; **ash-en** – пепельный. Например:

Her beauty, her pink cheeks and **golden** curls, seemed to give delight to all who looked at her, and to purchase indemnity for every fault. (244, с. 8)

Красота и розовые щеки Джорджианы, ее **золотые** кудри, видимо, пленяют каждого, кто смотрит на нее, и за них ей прощают любую шалость. (240, с. 10)

Зоҳиран, зебон ва рухсораҳои арғувони Чорчиана, марғулаҳои тиллогуни мӯи ӯ ҳар киро, ки сӯяш менигарист, мафтун мегардонанд ва онон бад-ин ваҷҳ ҳама гуна шӯҳии ӯро авф менамоянд. (241, с. 13)

N+**-ine**, является непродуктивным, сравнительно мало применяется в процессе образования новых слов и терминов цветообозначения. Данный суффикс образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, обозначающих драгоценные камни, цветной металл и т.п., например: **amethyst-ine** – аметистовый; **argent-ine** – серебряный, серебристый;

N+**-ous (-eous)**, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **sulphur-eous** – зеленовато-желтый, цвета серы;

N+**-aceous**, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **oliv-aceous** – оливковый, оливкового цвета;

N+**-ed**, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **bronz-ed** – бронзовый, цвета бронзы;

N+-ate, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **rose-ate** – розовый;

N+-al, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **auror-al** – поэт. цвета утренней зари, румяный.

Her cheeks suffused with an **auroral** blush.

(Её щеки были покрыты ярким румянцем.)

Словообразовательными моделями отсубстантивных цветочных прилагательных в русском языке являются следующие:

N+-н-ый, является продуктивным, образует цветочные прилагательные от самых разных основ имен существительных, обозначающих неживую природу, драгоценные камни, растения, овощи, фрукты, продукты питания, продукты человеческой деятельности, природные явления и т.п., например: **арбуз-н-ый, аспид-н-ый, бутылоч-н-ый, ваниль-н-ый, горчич-н-ый, жемчуж-н-ый, изумруд-н-ый, кирпич-н-ый, кофей-н-ый, лимон-н-ый, мед-н-ый, морков-н-ый, мрамор-н-ый, пепель-н-ый, песоч-н-ый, пурпур-н-ый, радуж-н-ый, салат-н-ый, самоцвет-н-ый, сапфир-н-ый, сахар-н-ый, сливоч-н-ый, снеж-н-ый, шафран-н-ый, шоколад-н-ый, табач-н-ый, защит-н-ый** и т.п.; например:

... и **лазурный холм** вдали, и солнечный горизонт, и **жемчужные облака**, где краски неуловимо переходят одна в другую. (240, с. 65)

С запада дул ветерок: он проносился над холмами, напоенный сладким благоуханием вереска и камыша; небо было безоблачно синее, река, вздущаяся от весенних дождей, неслась вниз по ложине, полноводная и прозрачная, то отражая **золотые лучи солнца**, то **сапфирную синеву неба**. Свернув с тропы, мы зашагали по мягкой луговине с изумрудно-зеленой травой, пестревшей мелкими белыми цветочками и усеянной крупными **золотыми звездами** желтых цветов; холмы обступили нас со всех сторон. (240, с. 229)

N+-ов-ый (-ев-ый), является продуктивным, образует цветочные прилагательные от основ имен существительных, обозначающих неживую природу, драгоценные камни, растения, овощи, фрукты, и т.п., например: **свинц-ов-ый, пунц-ов-ый, сапфир-ов-ый, карал-ов-ый, лил-ов-ый, сирен-ев-ый, роз-ов-ый, коричн-ев-ый, вышн-ев-ый, оранж-ев-ый, гранат-ов-ый, салат-ов-ый.**

... церковный сторож Семен, старик с тусклыми **свинцовыми** глазами
... (258)

Был **розовый** морозный вечер, и он оделся особенно тепло и ладно, вышел, сел, и санки понесли его по выгону к школе. (258)

Он согнулся, — слушателям не видно его лица, видны только коричневые уши, торчащие из-под курпея. (258)

N+-ист-ый, является малопродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **блондин-ист-ый, багрян-ист-ый, охр-ист-ый, золот-ист-ый, серебр-ист-ый;**

Подняв глаза кверху, они видят, что луна среди верхушек сосен уже в сиянии и возле нее вьется серебристый ястребок, которого откуда-то спугнул выстрел. (258)

N+-енн-ый, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **огн-енн-ый, плам-енн-ый, солом-енн-ый;**

N+-ян-ый (-яnn-ый), является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **льн-ян-ой, кост-ян-ой, серебр-ян-ый;**

N+-есн-ый, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **неб-есн-ый, тел-есн-ый;**

N+-чат-ый, является непродуктивным, образует цветочные прилагательные от ограниченного числа основ имен существительных, например: **дым-чат-ый**.

Изучая вышеуказанные суффиксальные словообразовательные модели цветочных прилагательных в таджикском и английском языках, нами была выявлена их особенность, которой не наблюдается в русском языке. В таджикском и английском языках некоторые из моделей могут использоваться с одними и теми же основами. Данная особенность более характерна для суффиксов в таджикском языке, например: **гулфом**, **гулвом**, **гулгун** – красный как цветок; **вашифом**, **вашивор**, (от **ваш(ш)ӣ** – название красной шелковой материи, которая производится в городе Ваш Туркмении) – красный; **оташгун**, **оташин**, **оташнок**, **оташӣ** – красный как огонь; **ақиқфом**, **ақиқин**, **ақиқӣ** (ақиқ – драгоценный камень красного, иногда оранжевого цвета) – красный; **гулноргун**, **гулнорӣ** – красный как гранатовый цветок; **ёкутвор**, **ёкутвом**, **ёкутӣ** – красный как рубин; **лаълваш**, **лаълфом**, **лаълӣ** – красный как рубин; **шафақгун**, **шафақосо**, **шафақӣ** – красный, цвета заката; **минофом**, **миноӣ** – цвета стекла.

В английском языке в словарях с основой **bronze** зафиксированы прилагательные, обозначающие цвет с суффиксами **-ed** и **-y**: **bronzed** – бронзовый, цвета бронзы; **bronzy** – бронзовый, бронзового цвета. С основой **sulphur** зафиксированы прилагательные, обозначающие цвет с суффиксами **-eous** и **-y**: **sulphureous** – зеленовато-желтый; **sulphury** – похожий на серу, зеленовато-желтый.

Словообразовательные модели цветочных прилагательных мы поделили на три группы по характеру их продуктивности: продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные⁷. В таджикском и английском языках, несмотря на одинаковое количество суффиксальных словообразовательных

⁷ При делении суффиксов на группы мы опирались на работы О.Д. Мешкова и М. Атоевой. (Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976, С. 72-82; Атоева М. Лексика обозначающая цвет в таджикском и русском языках. Худжанд, 2002, С. 101-109), а также на собранных нами количество материалов по данной теме.

моделей цветowych прилагательных, в плане их продуктивности наблюдается дифференциация. Если в английском и русском языках модели в основном имеют непродуктивный характер, то в таджикском языке количество суффиксов в группах почти равно (см. таблицу №9).

Таблица №9

Группы суффиксов по продуктивности в сопоставляемых языках

Языки	Продуктивная	Малопродуктивная	Непродуктивная
таджикский	2	3	3
английский	1	1	6
русский	2	1	4

Итак, наши исследования показывают, что в сопоставляемых языках в образовании цветowych прилагательных суффиксы играют существенную роль. Во всех трех сопоставляемых языках данная группа прилагательных образуется, в основном, от основ имен существительных, обозначающих драгоценные камни, металлы, цветы, плоды и т.д. Поскольку в сравниваемых языках все суффиксы отсубстантивных моделей выражают одно и то же значение, определенному суффиксу в одном языке могут соответствовать два или более суффикса в другом. Например:

тиллоӣ, тиллогун = **golden** = **золотистый**

шафақӣ, шафақгун, шафақосо = **aurogal** = **румяный**

хӯлагӣ = **bronzed**, **bronzy** = **бронзовый**

Количество суффиксов в группах по продуктивности показывает, что в таджикском языке суффиксальный способ образований цветowych прилагательных имеет более продуктивный характер, поскольку в английском и русском достаточное количество входит в группу непродуктивных.

2) Отадъективные цветowe прилагательные

Исследуя отадъективные прилагательные цветообозначения таджикского языка, мы выявили их следующие словообразовательные модели и их эквиваленты в сопоставляемом языке:

A+-тоб, образует прилагательные цветообозначений от основ прилагательных, обозначающие основные цвета, выражает значение неполной степени качества, вносит оттенок «слегка», например: **сафед-тоб**, **сиёҳ-тоб**, **сурх-тоб**, **зард-тоб**, **сабз-тоб**, **кабуд-тоб**;

... ба чои он мӯйҳои мошу биринҷ, хатҳои очингу рухсори **захиртобро** гузошта буд. (243, с. 107)

(... в место седых волос были морщины и **желтоватые** щеки.)

... замин аз алафҳои хушкидаву санглохҳои домани кӯҳ ранги **зардтобро** мегирифт. (242, с. 76)

(... земля приобретала **желтоватый** оттенок от высохшей травы и камней подножия гор.)

A+-ча, образует прилагательные цветообозначений от основ прилагательных, обозначающих основные цвета и некоторые их оттенки, выражает значение ослабленного качества, вносит оттенок «слегка», например: **сафедча**, **сиёҳ-ча**, **сурх-ча**, **зард-ча**, **сабз-ча**, **кабуд-ча**, **захир-ча**, **малла-ча**, **ало-ча**, **пуштича**, **гӯласча**, **мағзипистача**;

В таджикском языке допускаются случаи, когда суффиксы **-ча** и **-тоб** используются одновременно в порядке **-чатоб**, что также выражает значение ослабленного качества и вносит оттенок «слегка», например: **сафед-ча – сафед-ча-тоб**, **сиёҳ-ча – сиёҳ-ча-тоб**, **сурх-ча – сурх-ча-тоб**, **зард-ча – зард-чат-об**, **сабз-ча – сабз-ча-тоб**, **кабуд-ча – кабуд-ча-тоб**;

... тиллоҳои зарду **сурхчатоби** кӯтури чашмхиракунандаи бисёре буд. (243, с. 110)

(... было много **желто-красноватого** золота.)

A+-ак (-як), образует прилагательные цветообозначений от некоторых основ прилагательных, обозначающие основные цвета, выражает значение

усиления признака с оттенком ласкательности, например: **сафед-ак, сиѣх-ак (сиѣ-як), сурх-ак;**

A+-акак (-якак), образует прилагательные цветообозначений от некоторых основ прилагательных, обозначающих основные цвета, выражает значение усиления признака с оттенком ласкательности, например: **сафед-акак, сиѣх-акак (сиѣ-якак), сурх-акак.**

Словообразовательные суффиксы адъективных прилагательных цветообозначений английского языка:

A+y², образует прилагательные цветообозначений от некоторых основ прилагательных, обозначающих основные цвета, выражает значение неполной степени качества, вносит оттенок «слегка», например: **yellow-y, black-y, green-y;**

A+ ish, образует прилагательные цветообозначений от некоторых основ прилагательных, обозначающих основные цвета, выражает значение неполной степени качества, вносит оттенок «слегка», например: **whit-ish, black-ish, grey-ish, redd-ish, yellow-ish, green-ish, blu-ish.**

Словообразовательные суффиксы адъективных прилагательных цветообозначений русского языка:

A+-оват- (-еват-), образует цветовые прилагательные от некоторых основ прилагательных, обозначающих основные цвета, выражает значение ослабленного качества, например: **бел-оват-ый, черн-оват-ый, сер-оват-ый, красн-оват-ый, желт-оват-ый, зелен-оват-ый, син-еват-ый, голуб-оват-ый;**

Справа чистое солнце почти касается вдали золотисто-блестящей снежной равнины с чуть заметным **зеленоватым** тоном. (258)

A+-еньк-, образует цветовые прилагательные от некоторых основ прилагательных, обозначающих основные цвета и цветовые оттенки, выражает значение усиления признака с оттенком ласкательности, например: **бел-еньк-ий, черн-еньк-ий, красн-еньк-ий, желт-еньк-ий, син-еньк-ий, голуб-еньк-ий, зелен-еньк-ий, ал-еньк-ий, бледн-еньк-ий, светл-еньк-ий;**

A+ -оватеньк- (-еватеньк-), с оттенком ласкательности, иногда используется производный от суффикса -оват- суффикса -оватеньк-, например: **красно-оватеньк-ий, сер-оватеньк-ий, син-еватеньк-ий, черн-оватеньк-ий;**

A+-ехоньк-ий, -ешеньк-ий, образует цветочные прилагательные от некоторых основ прилагательных, обозначающих основные цвета, выражает значение усиления признака с оттенком ласкательности и в отличие от других суффиксов, имеет краткую форму **-ехонек, -ешенек,** например: **бел-ехоньк-ий, бел-ехонек, бел-ешеньк-ий, бел-ешенек, черн-ехоньк-ий, черн-ехонек, черн-ешеньк-ий, черн-ешенек, светл-ехоньк-ий.**

Суффиксы усилительного и уменьшительно-ласкательного значения свойственны эмоционально насыщенной разговорной речи, песенным и былинно-сказочным жанрам народного творчества.

Сложные моноксемные цветочные прилагательные. Значительная роль в образовании сложных моноксемных прилагательных цветообозначения (композиций) принадлежит словосложению и этим способом обычно выражаются оттенки цветов.

Сложные моноксемные цветочные прилагательные (композиции), в сопоставляемых языках, могут образовываться путем сложения из двух и более компонентов:

- сложения из двух компонентов, с уточняющим компонентом, вносящим сравнительно-конкретизирующее значение и опорным компонентом – цветочным прилагательным. В английском и русском языках уточняющий компонент может быть выражен основами имен существительных, обозначающих самые разные группы предметов и имен прилагательных, выражающих оттенки цвета. Например: в английском языке **snow-white** (белоснежный, белый как снег), **cotton-white** (белый как хлопок), **lily-white** (лилейный белый), **sky-blue** (небесно-голубой), **powder-blue** (голубоватый как порошок), **emerald-green** (изумрудный, изумрудно-зеленый), **sea-green** (морской зеленый), **grass-green** (зеленый как трава), **foliage-green** (зеленый как лист), **moss-green** (зеленый как мох), **lime-green** (лаймовый

зеленый), **bottle-green** (бутылочно-зеленый), **raspberry-red** (малиновый), **blood-red** (кровоаво-красный), **brick-red** (кирпично-красный), **ruby-red** (рубиновый, красный как рубин), **cow-brown** (светло-коричневый), **dust-brown** (серовато-коричневый, цвета пыли), **dusty-brown** (=dust-brown), **earth-brown** (коричневый, цвета земли), **canary-yellow** (канареечный желтый), **peach-yellow** (персиковый желтый), **chrome-yellow** (хромовый желтый), **iron-grey** (стальной серый), **ash-grey** (пепельный серый), **ashy-grey** (=ash-grey), **creamy-white** (кремовый), **milky-white** (молочно-белый), **lurid-green**, **Turkey red**, **Oxford-blue**, **Cambridge-blue**, **Isabella-yellow**, **Chinese-white**, **Persian-purple**; в русском языке лимонно-желтый, небесно-голубой, изумрудно-зеленый, жемчужно-белый, жемчужно-серый, золотисто-каштановый, серебристо-жемчужный.

She stretched out her **lily-white** hand...

S. Maugham (273)

(Она вытянула свою *белоснежную* руку ...)

...whose hair they say turned **cotton-white** one winter afternoon for no good reason at all. F. Scott Fitzgerald (270)

(...чьи волосы в один зимний день без какой-либо причины стали абсолютно седыми.)

... ибо я не могла назвать своим это венчальное **серебристо-жемчужное** платье и воздушную вуаль, висевшие на вешалке. (240, с. 158)

В таджикском языке такого типа прилагательные передаются словосочетаниями, состоящими из прилагательных, обозначающих основные и оттеночные цвета, например: зарди тиллоӣ, зарди заъфарӣ, сурхи гулинор, сурхи шаҳбулутӣ, кабудӣ осмонӣ, кабудӣ фирӯзгун, сабзи мағзиписта (=сабзи пистокӣ), сабзи захробгун, сафеди мрамарӣ.

Бар лолаву аргувону гул кун

Он чехраи зарди заъфариро. Шамси Табрзӣ (225, с. 387)

(зарди заъфарӣ – шафрановый желтый)

- сложения из двух компонентов, основ прилагательных, с компонентами, уточняющими интенсивность и качество цвета pale (бледный, ненасыщенный), bright (яркий), dark (тёмный), light (светлый), deep (насыщенный, тёмный, густой), shocking (очень яркий), vivid (яркий), moderate (умеренный, сдержанный), pastel (пастельный), soft (мягкий), dull (тусклый, неяркий, слабый), dirty (блёклый, матовый), mat (приглушенный, матовый), virulent (ядовитый) и т.п. и опорным компонентом – цветовым прилагательным, например: deep-brown (темно-коричневый), light-brown (светло-коричневый), light-blue (голубой), dark-blue (синий), shocking-pink (ярко-малиновый), virulent-red (ядовито-красный).

The new leaves fall. Turn red-brown,

I see the hard path-sides **pale-grey** ground. G. Grigson (247)

(**pale-grey** – бледно-серый)

Темно и чадно дрожали на свечках прозрачные копыя пламени, золотые, с **ярко-синим** основанием. (258)

Кончив последнюю чашку, Семен мотнул головок, откидывая со лба вспотевшие **темно-серые** волосы, ... (258)

В таджикском языке такого типа сложные прилагательные выражаются словосочетаниями из цветовых прилагательных и прилагательных, выражающих интенсивность и качество цвета, например: кабуди тира, сабзи рӯшан, зарди паст, сурхи сиёҳтоб, кабуди сиёҳтоб и т. п.

Талу теппаҳои зағораҳои рангашон сурхтоб, **зарди паст**, пистокӣ... (242, с. 77)

(*Косогоры красноватого, бледно-желтого, фисташкового ...*)

... аз зери абрӯвони борики ҳилолмонандаш чашмони **кабуди сиёҳтоб** алмосвор медурахшиданд. (242, с. 145)

(... под тонкими как полумесяц бровями блистали ее **темно-синие** глаза.)

Баргони дарахтон аз гуногунрангии худ чашми касро хира мекарданд. Зард, сурх, кабуд, **кабуди баланд**, нофармон ва ғайра... (243, с. 57)

*(Разноцветные листья деревьев ослепляли глаза. Желтые, красные, зеленые, **темно-зеленые**, лиловые и т.д. ...)*

- сложения из двух и более основ цветowych прилагательных в равноправном значении, например: yellow-green (желто-зеленый), green-yellow (зелено-желтый), orange-red (оранжево-красный), red-violet (красно-фиолетовый), pink-orange (розово-оранжевый); сине-бело-красный.

Yes, in the first six days in May

In a warm wind **yellow-green**

Novel beech leaves move and way,

Thin blue between.

May even has a falling down...

The new leaves fall. Turn **red-brown**,

I see the hard path-sides pale-grey ground.

G. Grigson (247)

Черно-синие, курчавые, но короткие волосы — как синева в хвосте павлина. (258)

В таджикском языке такого типа сложения у цветowych прилагательных почти не встречаются: выявлено только сиёҳ-сафед. В таджикском языке такого типа сложные прилагательные обычно выражаются словосочетаниями, например: сиёҳу сафед, сурху зард, сурху сафед, зарду сурхчатоб.

Руйхояш мисоли кулчаи ширмоли Ката-курғон **сурху сафед**, абрувонаш сиёҳу дароз... (243, с. 210)

*(Щеки как сдобные лепешки Ката-курғана **красно-белые**, брови черные и длинные ...)*

... аз байни онҳо як дурраи тагсурхи ранги гулҳояш **пистокиву сафед** омехтаро хуш кард. (242., с. 187)

*(... среди них выбрала платок с **фисташково-белыми** цветками.)*

Дар осмон ҳарчо-ҳарчо абрҳои ғафси печ дар печи **сафеду малла** беҳаракат, гӯё ба хаёли чуқуре фурӯ рафта буданд. (242, с. 209)

(На небе местами были видны неподвижные густые волнистые облака бело-серого цвета.)

- сложения из двух компонентов, с уточняющим компонентом (который может быть выражен как цветовым прилагательным, так и существительным, как прототип цветового оттенка), вносящим сравнительно-конкретизирующее значение и постоянным компонентом -ранг (в таджикском языке), -colour, -coloured (-colored), -hued, -tinted, -tinged (в английском языке). Например: сурхранг, сиехранг, гулобиранг, хокистарранг, тиллоранг, хурморанг, сурмаранг, носранг; blue-coloured, grey-coloured, red-coloured, rose-colour, rose-coloured, earth-coloured, sand-coloured, sapphire-coloured, honey-coloured, heaven-hued, turquoise-hued, citron-hued, ruby-hued, primrose-tinted, rose-tinted, ruby-tinged, powder-tinged. Компоненты -hued, -tinted, -tinged в английском языке, указывают на оттенки слабой степени.

... дар пой мӯзаи пошнобаланди **сурхранг** дошт. (242, с. 243)

*(... на ногах у нее были **красные** сопожки на высоких каблуках.)*

Дар сари се чувол ангишт, ки даҳони яке аз онҳо кушода буд, як одами миёнсоли монанди молаш **сиёхранг** истода буд. (242, с. 78)

*(У трех мешков с углем, один из которых был развязан, стоял **черный** как свой товар человек средних лет.)*

Сеюми – духтари мавзунқомате буд, ки куртаи васеи **гулобиранг** дар тан ва кафшҳои баландпошнои чӯбӣ дар по дошт. (242, с. 256)

*(Третья – была стройная девушка, одетая в **розовое** платье и на ногах у нее была деревянная обувь с высокими каблуками.)*

... марди қоқинаи дарози дар тан куртаи чихакдору аз руй яктаҳи **малларанг**, дар по кафши сарипой доштаро дид. (242, с. 86)

(... увидел высокого мужчину одетый в рубашку с тесьмой, сверху которого был накинута халат рыжевато-голубого цвета, и шлепанцами на ногах.)

Ҳама чомаҳо карда **пирӯзаранг**,

Ду чашм абри хунин, ду рух **бодаранг**. Фирдавсӣ (226, с. 64)

(чомаи **пирӯзаранг** – одежда цвета бирюзы, бирюзовый; рухи **бодаранг** – щеки цвета вина)

Бар обгина санг занад кори мову мо

Тӯҳмат ниҳем бар фалаки **обгинаранг**. Чомӣ (225, с. 890)

(фалаки **обгинаранг** – голубое, цвета стекла, неба)

... With hair curled **honey-coloured** to white hips. J. Masefield (272)

(**honey-coloured** hair – волосы цвета меда)

Tutus looked at me out of his narrowed **stone-coloured** eyes. I. Murdock (276)

(**stone-coloured** eyes - цвета камня, серовато-голубые глаза)

... her costume ... was now attired in an elaborate afternoon dress of **cream-colored** chiffon. F. Scott Fitzgerald (270)

(**cream-colored** chiffon - шифон кремового цвета)

... on the knee of his **caramel-colored** suit. F. Scott Fitzgerald (270)

(**caramel-colored** suit - костюм карамелевого цвета)

... and **gold-colored** tie. F. Scott Fitzgerald (270)

(**gold-colored** tie - золотого цвета галстук)

В русском языке эквиваленты такого типа таджикских и английских сложных прилагательных обычно выражаются словосочетаниями, например: **caramel-colored** – карамелевого цвета, **бодаранг** – цвета вина.

- в таджикском и английском языках встречаются сложения из двух компонентов основ существительных, которые могут выражать цветовые прилагательные (наблюдается при адъективации сложных существительных), например: гулнор (=гулиносор, гули аноср - цветок граната, цвета цветка граната, ярко-красный), мошбиринч (=мошу биринч – седой); woodland (зеленый как лес), rowan-beery (красная как рябина), strawberry (красная как земляника, клубника).

Ман бе ту зи хуни дида **гулнор**,

Ту хандазанон ба сахни гулзор. Файзӣ (225, с. 286)

(**гулнор** - красный как цветок граната)

... аз ҳама аҳли он гурӯҳ баланд буду риши **мошбиринчи** кариб ба тамоми сандуқи дилаш паҳншуда дошт. (242, с. 256)

(... в толпе среди всех был высоким, с седой бородой почти до груди.)

...his dark **woodland** eyes... O. Wilde (277)

(... темные как дремучий лес глаза ...)

... **strawberry** mole... G. Melville «The Piazza» (274)

(... красное родимое пятно...)

Whose eyes were blue, with **rowan-berry** lips, ... J. Masfield (272)

(**rowan-berry** lips - красные, рябиновые губы)

2.2.1.2.3. Полилексемные производные прилагательные цветообозначения (цветообозначения-словосочетания)

Путем словосочетания образуются следующие типы полилексемных прилагательных цветообозначения:

- сложные цветочные прилагательные со структурой «the colour of smth.» в английском (например: the colour of grass), «ранги + имя сущ. (прототип названия цвета)» в таджикском (например: ранги гули каду), «цвета + имя сущ. (прототип названия цвета) в им. или род. падежах» в русском языке (например: цвета золота, цвета аметист, цвета меда).

Моҳи тамом, ки дар осмон дар равшании офтоби фурӯ рафтаистода бенур метофт, ҳоло оҳиста-оҳиста **ранги гули каду**ро гирифта, ба намоишдиҳии ҳашамати худ мегузашт. (242, с. 215)

(*Полный месяц, который на небе на фоне заходящего солнца казался бледным, постепенно становился виднее, приобретая **оранжевый цвет.***)

- сложные цветочные прилагательные со структурой «ранги + имя сущ. + имя прил.» в таджикском (например, ранги тухми пустканда), «цвета + имя прил. + имя сущ. (прототип названия цвета) в им. или род. падежах» в русском языке (например: цвета мокрый асфальт, цвета морской волны,

цвета увядшей розы, цвета буйволовой кожи), «имя прил. + имя цвета + colour» в английском (например: a glittering blue colour).

Структуры данных словосочетаний могут служить моделью для авторских новообразований.

К конструктивно сложным способам передачи цвета в сравниваемых языках можно отнести и сравнительные обороты, как обороты со структурой «монанди + имя сущ. + цветочное прилагательное», «мисли (мисли) + имя сущ. + цветочное прилагательное» в таджикском языке, «like + имя сущ.», «цветочное прилагательное + as + имя сущ.» в английском, «цветочное прилагательное + как + имя сущ.» в русском языке. Например: монанди ангишт сиёҳ (черный как уголь), мисли анор сурх (красный как гранат), hair like the wild bee's honey (волосы, цветом похожие на мед диких пчел), white as snow (белый как снег), yellow as topaz (желтый как топаз), black as ebony (черный как эбеновое дерево).

Часть из данного выше типа цветообозначений уже вошла в языковой фонд. Этот тип цветообозначений также не является замкнутой системой и предоставляет возможность образования новых цветообозначений. Подобные цветообозначения, наряду с цветообозначениями типа цвета чего-либо, помимо семы цвет осложнены стилистической нагрузкой, т.к. сравнение вызывает определенные ассоциации, создавая таким путем образность.

2.2.2. Степени сравнения

В трех сопоставляемых языках характерным признаком имен прилагательных является их способность образовывать степени сравнения: сравнительную и превосходную.

Формы степеней сравнения выражают сравнительную интенсивность данного качества у того или иного предмета (лица). Они существуют лишь у тех прилагательных, которые обозначают признаки, изменяющиеся по степени интенсивности.

Цветовые прилагательные в сопоставляемых языках также могут иметь формы степеней сравнения. Но из прилагательных, обозначающих цвет, в форме степеней сравнения употребляются только немногие, в основном ряд цветовых прилагательных, обозначающих основные цвета: в таджикском языке – сафед, сиёх, сурх, зард, кабуд, сабз, в английском языке – white, black, grey, red, green, yellow, в русском языке – белый, черный, красный, желтый, зеленый.

В русском языке превосходная степень цветовых прилагательных употребляется значительно реже, чем сравнительная. Так почти никогда не употребляется превосходная степень от прилагательных желтый, зеленый, красный (а также от прилагательных «голубой, синий, серый, розовый, фиолетовый, коричневый, оттенки указанных цветов лиловый, бордовый, карий, кофейный, кремовый, палевый, пунцовый, пурпурный, русый, фисташковый, шоколадный, янтарный»).

В сопоставляемых языках, как уже отмечалось выше, цветовые прилагательные, которые по своему значению являются качественными прилагательными, но по своему происхождению и образованию связаны с прилагательными относительными, в большинстве случаев не могут иметь грамматических признаков качественных прилагательных, в том числе и степеней сравнения.

А также в таджикском и русском языках категорию степеней сравнения не имеют цветовые прилагательные, в которых посредством приставок или суффиксов обозначается высокая или низкая степень называемого качества вне сравнения с другими предметами. В таких прилагательных выражается оценка качества или меры качества со стороны говорящего. Степень качества и его оценка могут быть выражены:

- при помощи суффиксов **-тоб, -ча, -чатоб, -ак, -акак** в таджикском языке (сурхтоб, зардча, зардчатоб, сафедак, сафедакак), суффиксов **-оват-, -еньк-, -ешенек, -ехонек** в русском языке (красноватый, беловатый, беленький, синенький, белешенек, белехонек);

... дасти яғмогари пирӣ латофати ҷавонии ўро гусиста, ба тороч бурда, ба ҷои он мӯйҳои мошу биринҷ, хатҳои очингу рухсори **захиртобро** гузошта буд. (243, с. 203)

(... забирая ее молодость, старость оставила ей седые волосы, морщины и желтоватое лицо.)

- при помощи частичного удвоения (частичной редупликации) в таджикском языке, где повторяется первый слог слова (каб-кабуд, сап-сафед, суп-сурх) и удвоения (полной редупликации) слов в русском языке (синий-синий);

Нозгул шарм карда, суп-сурх шуду ба дигар сӯ нигоҳ кард ва хомӯш монд. (243, с. 321)

(Нозгул покраснела от стыда, повернула голову и промолчала)

- в русском языке при помощи сочетания краткого прилагательного с образованной от того же корня особой наречной формой с суффиксом -ым (темным-темно, черным-черно).

В сопоставляемых языках формы сравнительной и превосходной степеней могут быть: а) простыми и б) сложными; и данные формы в отдельных разделах будут рассмотрены ниже.

а) простые формы сравнительной и превосходной степеней образуются синтетическим путем.

В современном английском языке формы степеней сравнения синтетическим путем образуют, как правило, односложные прилагательные (с основой, состоящей из одного слога), а также двусложные с определенными окончаниями (на -ow, -er, -y, -le).

Простые формы сравнительной и превосходной степени образуются путем прибавления к основе положительной степени суффиксов **-тар, -тарин** в таджикском, **-er, -est** в английском языке, **-ee (-ей** – встречается главным образом в разговорной речи, а также в стихотворном языке для рифмы или ритма), **-ейш-ий** в русском языке, например: сафед – сафедтар – сафедтарин, сурх – сурхтар – сурхтарин, зард – зардтар – зардтарин, white –

whiter – whitest, yellow – yellower – yellowest, red – redder – reddest, purple – purpler – purplest, белый – белее – белейший, красный – краснее – краснейший, желтый – желтее – желтейший.

Caleb's scanty hairs were turning **greyer**...

Ch. Dickens (269)

Spenser's Ireland

has not altered

a place as kind as it is green,

the **greenest** place I've never seen.

M. Moore (275)

Ветра теплого порывы,

Дальний гром и дождь порой...

Зеленеющие нивы

Зеленее под грозой

Ф. И. Тютчев (266)

Данные формы в таджикском языке можно рассмотреть на следующих примерах:

Рухсори гулгуни у **боз гулгунтар** шуд.

(Ее красные щеки еще больше покраснели).

Интересным представляется тот факт, что в целях усиления и стилистической действенности в таджикском языке применяются слова **боз**, **боз хам**, которые могут усилить значение сравнительной степени. Например:

...риши сиёҳи калонаш тамоми рӯяшро фаро гирифта, дар торикӣ ўро **боз хам сиёҳтар** карда нишон меод. (243, с. 180)

(... черная и длинная борода, охватывая все его лицо, в такой темноте показали лицо этого человека еще темнее.)

В русском языке формы сравнительной степени могут сочетаться с приставкой **по-**, которая обычно вносит добавочное значение смягчения степени преобладания качества, например: покраснее, посветлее, потемнее. Например:

Избери только ночь **потемнее**,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

М.Ю. Лермонтов (260)

Выбрав ночку **потемней**,
У куманька всех кур передушила.

И.А. Крылов (259)

В русском языке прилагательные в сравнительной степени, сочетаясь с местоимениями **весь, все** в родительном падеже, могут получать значение превосходной степени, выражая высшую степень качества, например:

...Я ль на свете всех милее,

Всех румяней и белее? А.С. Пушкин (263)

В таджикском языке прилагательные в сравнительной степени также могут иметь значение превосходной степени в сочетании с предлогами **аз, нисбат ба, назар ба** и местоимением **хама**, например: аз хама сурхтар – краснее всех, назар ба хама сафедтар – белее всех.

А также, в таджикском и русском языках, формы сравнительной степени получают значение превосходной степени в отрицательных оборотах с обобщенным значением: степень признака здесь мыслится как предельно высокая. Например:

Нет тебя светлей и краше

И желанней сердцу нет.

А.В.Твардовский (264)

б) сложные формы сравнительной и превосходной степеней образуются аналитическим путем. В сопоставляемых языках сложные формы сравнительной степени образуются от прилагательных, обозначающих цвет, способный проявляться в большей или меньшей степени, а сложная превосходная степень обозначает высшую степень

качества, которая присуща какому-либо лицу или предмету и по которой это лицо или предмет выделяется из всех остальных. Эти формы являются очень продуктивными и распространенными.

Сложные формы сравнительной степени образуются сочетанием слов **нисбатан** в таджикском языке, и **более, менее**, в русском, с положительной степенью прилагательного и выражают проявление качества в большей или меньшей степени, например: нисбатан кабуд, нисбатан сурх, более зеленый, более голубой.

Я не помню утра **более голубого** и свежего. М. Ю. Лермонтов (261)

В русском языке сложные формы превосходной степени образуются путем сочетания местоимения «самый» с прилагательным в положительной степени. Например: самый красный, самый черный, самый синий.

Сложные формы превосходной степени в таджикском языке образуются путем сочетания предложного состава **аз хама, аз тамоми** с прилагательным в положительной или сравнительной степени. Например: аз хама сафед, аз хама сафедтар, аз тамоми руйхои духтарон гулгунтар.

В английском языке иногда в стилистических целях используются сочетания формами наречия **more** и **most**, выражающие значения, эквивалентные значениям сравнительной и превосходной степеней, с односложными и двусложными прилагательными, уже имеющими синтетическую форму сравнительной и превосходной степеней, например:

Caleb's scanty hairs were turning greyer and **more grey**. Ch. Dickens ()

Таким образом, изучение проблем цветообозначения в сопоставляемых языках показывает, что данная группа слов имеет значительное место в лексико-морфологической структуре каждого языка, является важной категорией при выражении мысли и в целом порождении речи во всех исследуемых языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование проблемы цветообозначения в таджикском, английском и русском языках показывает, что данная категория слов, занимая особое место в структуре лексики и морфологии каждого языка, играет значимую лексико-семантическую и стилистическую роли при выражении мысли и в целом порождении речи во всех исследуемых языках.

Несомненно, количество цветов и их разновидностей сравнительно больше, чем количество названий цветов, которые бытуют в языке и, соответственно, ни одному языку не удастся создать достаточное количество названий всех цветов. Кроме того, человеческая память также не могла бы запомнить названия всех цветов, и человеческое мышление не могло бы оперировать продуктивно таким большим количеством цветообозначений.

Заметное разнообразие наблюдается, когда обращаются к лексике цветообозначения, которая варьируется от языка к языку даже применительно к основным цветам, несмотря на то, что нормальный человеческий глаз повсюду воспринимает красочное разнообразие мира одинаковым образом. Подобного рода расхождения в оценке цветовых качеств различных предметов вызваны не физиологическими особенностями зрительного восприятия (такие патологические случаи, как, например, дальтонизм, для темы этого исследования не показательны), а именно идиоэтнической спецификой языков, которая является основным объектом внимания этнолингвистических исследований. Речь может идти о разной группировке основных цветов (и их оттенков), а также о различной практической значимости этого качества предметов в языковой и культурной традиции каждого народа. Если иметь в виду язык, такое практическое отношение к оценке тех или иных цветовых качеств предмета (тона, его интенсивности, особенностей окрашенной поверхности, символики цвета и т. д.) проявляется не только на уровне общенациональной лексики, но может прослеживаться и при обращении к различного рода разновидностям языка - в его территориальных диалектах и профессиональных жаргонах (например,

в речи скотоводов, когда речь идет о масти животных, ковровщиц, использующих более конкретные обозначения цветов, чем обычно употребляемые в языке, и т.п.).

В литературе, посвященной цветообозначениям, нет единого мнения по составу и семантике названий даже так называемых основных цветов (хроматических и ахроматических), выделяемых носителями разных языков.

Количество цветов, которые человеческий глаз способен различать в предметах, определяется разными исследователями в пределах примерно от пятисот тысяч до двух с половиной миллионов. Понятно, что только малая часть этого потенциального «количества цветов» представлена в языке специальными терминами, известными всем носителям данного языка. Ряд цветообозначений известен только специалистам, которым приходится употреблять их в процессе своей производственной деятельности, например, при изготовлении ковров, окраске ткани, аппликации изделий, изготовляемых из шерсти животных и т. п. В таких случаях часто для обозначения нужного цвета (нужного оттенка) используются названия красителей или же название какого-либо образца, то есть эталонного для представления какого-то определенного цвета предмета, который окрашен соответствующим образом.

Познавая разные дефиниции феномена «цвет», в работе была принята следующая дефиниция в качестве рабочей: «цвет является качественной субъективной характеристикой электромагнитного излучения оптического диапазона, которая определяется на базе физиологического зрительного ощущения и зависит от ряда физиологических, психологических и физических факторов.

Как было указано в теоретической части, полисемия, у слов, обозначающих цвет, возникает тремя путями. Первый – когда прямое (цветовое) значение слова перерастает в переносное нецветовое, но психологически и эмоционально связанное именно с восприятием цвета. Второй путь – когда прямое значение (нецветовое) перерастает в переносное

цветовое значение. В этом случае в символике цвета явно прослеживается психоэмоциональная связь с понятием, предметом, давшим название цвету. Третий путь – когда цветообозначение из одной сенсорной модальности переносится в другую (т.е. путь языковой синестезии).

Несомненно, цвет является одним из важных компонентов культуры и окружен сетью смысловых значений, ассоциаций, толкований. Цвет является воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей, и поэтому цвет считается одной из основных категорий культуры, которая фиксирует уникальную информацию о цвете окружающей среды, природы, о своеобразии исторического пути народа, о взаимодействии различных народных традиций, об особенностях художественного видения мира.

Каждый носитель языка, воспринимая и воспроизводя цветовую картину мира, основывается не только на абсолютном цветовом, но и на своем личном ощущении от восприятия того или иного цвета, отмечая, зачастую на уровне подсознания, «ассоциативные признаки», иначе говоря, коннотации, которые сопутствуют тому или иному обозначению цвета.

Все перечисленное выше необходимо учитывать как методологическую основу в предпринимаемом нами сопоставительном анализе цветообозначений в таджикском, английском и русском языках.

В работе рассматривались разные методы классификации цветообозначений таких ученых, как А.А. Брагина, И.В. Макеенко, Р.М. Фрумкина, по способу их передачи, по структурным, семантическим особенностям. Но, на наш взгляд, они не являются достаточно полными, и поэтому составили свою классификацию цветообозначений, по которой данную категорию разделили на следующие структурно-семантические типы:

1. Непроизводные цветовые прилагательные;
2. Производные цветовые прилагательные;
 - а) конверсивы;

б) моноксемные производные (отсубстантивные, отадъективные);

в) полилексемные производные;

г) цветообозначения-словосочетания.

Наши наблюдения показывают, что в сопоставляемых языках группу непроизводных составляют прилагательные, обозначающие как базовые цвета, так и некоторые цветовые оттенки.

Число непроизводных цветовых прилагательных во всех трех сопоставляемых языках ограничено. Ряд непроизводных цветовых прилагательных представляют определенное количество названий основных (базовых) цветов: **white, black, grey (gray), red, blue, green, yellow, brown** в английском языке; **сафед, сиёх, сурх, кабуд, сабз, зард** в таджикском языке; **белый, черный, серый, красный, синий, зеленый, желтый** в русском языке.

Наши наблюдения показали, что подавляющее большинство непроизводных цветовых прилагательных, обозначающие базовые цвета, во всех трех сопоставляемых языках типологически одинаковы, как в плане выражения, так и в плане содержания и имеют полные эквиваленты.

В сопоставляемых языках существует также группа непроизводных цветовых прилагательных, которые обозначают неосновные (небазовые) цвета. Такие непроизводные прилагательные обозначают оттенки цвета (цветообозначения для части спектра, являющейся «куском» части спектра, обозначенной каким-либо основным цветообозначением) и предметно ограниченные цветообозначения (цветообозначения с ограниченной лексической сочетаемостью, ограниченные по денотату, например, цвета по масти животных, по окрасу кожи, волос, глаз и др.).

Но, несмотря на структурные сходства непроизводных прилагательных, в них наблюдаются значительные различия в семантическом плане. Исследования показали, что в сопоставляемых языках непроизводным цветообозначениям, особенно английским, часто

соответствуют разные производные названия (суффиксальные названия, композиты и словосочетания) в таджикском и русском языках.

Изучая словообразовательные особенности производных прилагательных цветообозначения в таджикском и английском языках, мы выявили две группы словообразовательных моделей: N+суффикс (8 в английском, 8 в таджикском, 6 в русском); A+суффикс (2 в английском, 4 в таджикском, 4 в русском).

В сопоставляемых языках некоторые из моделей могут использоваться как синонимы с одними и теми же основами. Например, в таджикском языке: гул**фом**, гул**вом**, гул**гун** – красный как цветок. В отсубстантивных моделях английского языка также наблюдается такое свойство, например, с основой sulphur зафиксированы прилагательные, обозначающие цвет с суффиксами **-eous** и **-y**: **sulphureous** – 1) хим. серный; 2) зеленовато-желтый; **sulphury** – 1) похожий на серу; 2) серный; 3) зеленовато-желтый.

Несмотря на наличие конверсивов-цветообозначений в сравниваемых языках, точнее в английском и таджикском, наблюдается достаточно существенное расхождение в плане их выражения. Наблюдение показывают, что из шестидесяти четырех примеров в сравниваемых языках полное соответствие как в плане содержания так и в плане выражения имеют всего лишь малое количество, а точнее три конверсивов-цветообозначений (от непроизводных существительных): **rube** – лаъл (рубиновый), **saffron** – заъфарон (шафрановый), **turquoise** – пирӯза /фирӯза (бирюзовый). В трёх случаях, т.е. английским конверсивам **cornsilk**, **seafoam** и **seashell**, не удалось найти соответствий в таджикском языке.

В остальных же случаях соответствие в плане выражения в сравниваемых языках имеет дифференционный характер, то есть английским конверсивам-цветообозначениям (как от простых, так и от производных существительных) в таджикском языке соответствуют в основном простые производные (как например: **amber** – қахрабогун – янтарный, **rose** – гулобӣ – розовый), композиты (например: **snow** – сап-сафед, **barfранг** –

белоснежный, pearl – марворидранг, садафмонанд – жемчужно-белый) словосочетания (например: camel – қахваранги зардтоби паст – светло-коричневый, cornflower – кабуди равшан, кабуди кушод – васильковый).

Также нами было выявлено 6 моделей полилексемных производных прилагательных и 2 модели цветообозначения-словосочетания.

Иследуя вопрос выбора терминов цветообозначений, мы посчитали правильным использовать термины «цветообозначения», «цветовое прилагательное», «слово-цветообозначение» для цели нашего исследования, поскольку другие термины использованы только в единичных случаях как синонимы более употребительных терминов, или же не соответствуют цели нашей работы.

В нашем исследовании был использован собранный нами материал, состоящий из более 2000 слов и словосочетаний, источником которого являются толковые и двуязычные словари сопоставляемых языков, художественные произведения таджикских, английских и русских писателей и поэтов.

При исследовании нами было определено, что в сопоставляемых языках цветообозначения в основном принадлежат именам прилагательным, как простым, так и производным.

Так как существующие модели производные цветовых прилагательных в таджикском, английском и русском языках могут способствовать развитию окказионализмов и авторских новообразований, трудно давать полный перечень цветообозначений в исследуемых языках. Тем не менее, в данном диссертационном исследовании в определенных таблицах мы представим перечень цветообозначений таджикского, английского и русского языков на материале имен прилагательных и по собранным нами материалам их количество составляет около 800 случаев цветообозначений.

Исходя из анализа и интерпретации собранных материалов и концепций ученых и исследователей, можно прийти к такому выводу, что человеческий глаз различает в природе разнообразные цветовые оттенки,

которых практически невозможно назвать однозначным или одним термином и только носитель языка может проще обозначать цвета и их разновидности по качеству, сопоставляя с предметом-эталоном.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев, А.Н., Некоторые проблемы контент-анализа массовой коммуникации / А.Н. Алексеев, В.А. Владыкин, В.С. Дудченко // Проблемы контента анализа в социологии. – Новосибирск. 1970. – С.23 – 29.
2. Алимпиева, Р.В. Художественно-изобразительная роль синего и голубого цветов в поэзии С.Есенина / Р.В. Алимпиева // Ученые записки КГУ. Калининград, 1969. – С. 174 – 182.
3. Алимпиева, Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: (На материале прилагательных-цветообозначений русского языка) / Р.В. Алимпиева. – Л., 1986.
4. Алимпиева, Р.В. Синонимический микроряд «Синий-голубой» в сопоставлении с польским / Р.В. Алимпиева // Семантика слова в диахронии. – Калининград, 1987. – С.92 – 99.
5. Аминова, А.А. Из истории слов: На материале имен нулевой суффиксации и соотносительных глаголов: Учебное пособие / А.А. Аминова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1981. – 98 с.
6. Аминова, А.А. Результаты межязыкового сопоставления как фактор массового двуязычия / А.А. Аминова, Е.Ф. Арсентьева // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания: Тез. докл. научн. конф. – Уфа, 1999. – С. 77 – 81.
7. Арсентьева, Е.Ф. Современное состояние английской лексикографии / Е.Ф. Арсентьева // Язык и методика его преподавания: сборник статей – Казань, 2001. – С.12 – 16.
8. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: Наука-Смысл, 1999. – 349с.
9. Арутюнян, Ю.В. Многообразие культурной жизни народов СССР. / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева. – М.: Мысль, 1987. – 303 с.
10. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. Антология. – М., 1997. – С. 14 – 28.

11. Атобуллоев, С. Хинг / С. Атобуллоев // Маориф ва маданият, 1970. 17 февраля.
12. Атоева, М. М. Лексика, обозначающая цвет в таджикском и русском языках: автореф. дис. канд. филолог. наук: 10.02.02 – языки народов СССР (таджикский язык); 10.02.01 – русский язык / М.М. Атоева. – Душанбе, 1988. – 16 с.
13. Атоева, М.М. Лексика, обозначающая цвет в таджикском и русском языках / М.М. Атоева. – Худжанд, 2008. – 178 с.
14. Байрамова, Л. Социально-языковая номинация с цветолексемами // Слово. Текст. Время. Новые средства языковой номинации в новой Европе: Мат-лы VII междунар. науч. конф. – Щецин, 2004.
15. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина. – М., 1975. – 287с.
16. Бахилина, Н.Б. Ослепительно-рыжий, безнадежно рыжий. / Н.Б. Бахилина // Русская речь, 1975. – №5. – С. 104 – 105.
17. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
18. Белобородова, И.В. Факторы формирования коннотативных значений у цветовых прилагательных / И.В. Белобородова // Речь. Речевая деятельность. Текст. – Таганрог, 2000. – С. 9 – 15.
19. Белов, А.И. Цветовые этнодежды как объект этнопсихолингвистики / А.И. Белов // Этнопсихолингвистика. – М., 1988 – С. 50 – 61.
20. Белов, А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика / Под ред. Ю.А.Сорокин. – М., 1988. – С. 49 – 57.
21. Бер, У. Что означают цвета. / У. Бер. – Ростов-на-Дону, 1997. – 224с.
22. Бер, У. Что означают цвета. / У. Бер. – Ростов-на-Дону, 1997. – 224с.
23. Бердиева, Т. Лингвистические и экстралингвистические причины арабских заимствований (по материалам прессы 20-х годов) / Т. Бердиева. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 231с.
24. Бердиева, Т. Назарияи иктибос/ Т. Бердиева. – Душанбе, 1991. –128 с.

25. Березин, Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, изд.2-ое, 1984. – 318 с.
26. Бидерман, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман. – М., 1996. – 335 с.
27. Блумфильд, Л. Язык / Л. Блумфильд. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.
28. Бодуэн де Куртенэ, Ч. А. О смешанном характере всех языков / Ч. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М., Т. 1, 1963, – С. 312 – 372.
29. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. –160с.
30. Борисов, Ю. Красный цвет и образы огня в рассказе А.П. Чехова «Воры» / Ю. Борисов // Анализ литературного произведения. – Саратов, 1983. – С. 41 – 48.
31. Борисова, Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке / Д.Н. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 23. – № 21 (122), 2008.
32. Брагина, А. А. Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний. / А.А. Брагина. // Лексикология и лексикография. – М., 1997. – С. 73 – 105.
33. Брагина, А.А. Синонимический ряд: словосочетание-слово. Новые слова и словари новых слов. / А.А. Брагина. – Л., 1978. 194 с.
34. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке /А.Р. Будагов. – М.: Учпедгиз,1958. – 435 с.
35. Бушин, И.В. Формирование вторичных терминосистем и их специфика (на материале терминологии судебной медицины рус. и англ. языков): Автореф. дис. канд. филол. наук / И.В. Бушин. – Саратов, 1996. – 22 с.
36. Василевич, А.П. Бурый и коричневый. История сосуществования и борьбы / А.П. Василевич // Язык. Сознание. Культура. Сб. ст. под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н.Ушаковой. – Москва-Калуга: Эйдос, 2005. – 400 с.

37. Василевич, А.П. Цветообозначения как проблема терминологии и перевода. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем) / А.П. Василевич. – М.: Наука, 1987. – 143 с.
38. Василевич, А.П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихолингвистика. – М., 1988. – С. 58 – 63.
39. Василевич, А.П. Цвет и его название. Развитие лексики цветообозначения в современной России / А.П. Василевич, С.С. Мищенко // Вестн. РФФИ. — М., 2000. – № 1. – С. 56 – 61.
40. Васильев, А.П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: дисс. в форме науч. докл. на соиск. учён. степ. д-ра филол. наук / А.П. Васильев. – РАН, Ин-т языкознания. – М., 2003. – 95с.
41. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Т.И. Вендина // ВЯ. 1999. – № 2. – С. 27 – 49.
42. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М., 1999. – 180 с.
43. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997. – 286 с.
44. Веращегин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Веращегин. – М.: Изд-во МГУ, 1969. –160с.
45. Виниченко Л.Г. Семантика слов-цветообозначений во фразеологии русского и осетинского языков / Л.Г. Виниченко // Филология на рубеже тысячелетий / Вып.2. Ростов-на-Дону, 2000. – 280с.
46. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М., 1971. – 230с.
47. Володина, М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации / М.Н. Володина. – М.: Издательство Московского университета, 1993. – 112 с.
48. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: Теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.

49. Вычужанина А.Ю. Роль цветообозначений в передаче эмоциональных концептов поэтического когнитивного пространства: (На материале произведений С.А. Есенина и Д.Г. Лоуренса): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Тюмень, 2009.
50. Вюстер, Е. Международная стандартизация языка в технике (пер. с нем. и обработка О. И. Богомоловой.) Под ред. Э. К. Дрезена, Л. И. Жиркова, А. Ф. Лесокина и М. Ф. Маликова / Е. Вюстер. – Л. – М.: Стандартгиз, 1935. – 302 с.
51. Гак, В. Г. Диалог культур в свете общей теории диалога / Россия и Запад: диалог культур. Тезисы 7-ой Международной конференции в МГУ. – М.: МГУ, факультет иностр. языков, 2000. – С. 65.
52. Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе. Т. 1, 2. – Тбилиси, 1984. – 428с.
53. Гмызина, Э.В. Символика красного цвета в русской традиционной культуре / Э.В. Гмызина // Природа и социум в системе культуры: Материалы Ме ждунар. науч. конф. (сент. 1998 г., г. Киров). – Киров, 1999. – С. 158 – 161.
54. Головин, Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1980. – 189 с.
55. Головин, Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
56. Голубь, Л.А. Сквозные мотивы языковой картины мира (на примере лексико-семантического поля «цвет» в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.
57. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I. Фонетика, морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
58. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми II. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои содда. – Душанбе: Дониш, 1986. – 372 с.

59. Грамматика русского языка. Ред. Коллегия: Виноградов В.В., Истрина Е.С., Бархударов С.Г., Издательство Акад. Наук СССР, Т. 1. – М., 1960. – 678 с.
60. Грановская, Л.С. Прилагательные, обозначающие цвет в русском языке XVII – XX вв.: автореф. канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык /Л.С. Грановская. – М., 1964. – 22с.
61. Гришанина, Е.Б., Лыкова, Т.В. Некоторые особенности цветообозначений в повести А.П. Чехова "Степь" / Е.Б. Гришанина, Т.В. Лыкова // Языковое мастерство Чехова. – Ростов-на-Дону, 1995. – С.70 – 80.
62. Громов, П.Т. Значение цвета в концептуальной метафоре: (На материале поэзии. С.Есенина) / П.Т. Громов // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания. – Саратов, 1996. Ч. 1. – С. 38 – 39.
63. Губенко, Е. В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б. А. Пастернака / Е.В. Губенко. – М., 1999. – с. 122.
64. Губенко, Е.В. Семантическое поле лексики со значением цвета в лирики Б.Л Пастернака / Е.В. Губенко // Научные труды молодых ученых ОГПИ. – Оренбург, 1996. – С. 57 – 66.
65. Гуревич, А.Я. Об итогах и проблемах семантических исследований / А.Я. Гуревич // Актуальные проблемы семантики и культуры. Труды по знаковым системам. Т. XX. – Тарту, 1987. – 143с.
66. Даниленко, В.П. Терминология современного языка науки / В.П. Даниленко // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток, 1987. – С. 61 – 66.
67. Демьянков, В. З. Когнитивная лексика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания, № 4, 1994. – С. 17 – 31.
68. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории / Ю. Д. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 382с.
69. Жаркынбекова, Ш. К. Языковая концептуализация цвета в казахском и русском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Ш.К. Жаркынбекова. – Алматы, 2004. – 49 с.

70. Забони адабии ҳозираи тоҷик / Мухаррири махсус Ш. Рустамов. – Душанбе: Маориф, 1982. – 234 с.

71. Запорожец, М.Н. Семантическая структура имен прилагательных с исходным значением «состоящий, сделанный из какого – либо металла» в современном русском языке / М.Н. Запорожец // Семантика языковых единиц / Т.1. – М., 1996. – с. 256.

72. Зверева, С.В. В мире солнечного света. – Л., Гидрометеиздат, 1988, – 160 с.

73. Зоолшоева, Ш.Ф. Семантика красного цвета в шугнанском языке / Ш.Ф. Зоолшоева // Школа молодого востоковеда 2004: Материалы научной конференции. СПб, 2004. – С. 27 – 29.

74. Зоолшоева, Ш.Ф. Образование собственных имён на почве цветообозначающих слов в языках шугнано-рушанской группы / Ш.Ф. Зоолшоева // Языки и этнография «Крыши Мира». СПб, 2005. – С. 46 – 49.

75. Зоолшоева, Ш. Ф. Символика цвета в шугнано-рушанской национальной одежде Ш.Ф. Зоолшоева // Языки и этнография «Крыша мира». СПб, 2005. – С. 38 – 95.

76. Зоолшоева, Ш.Ф. Цветообозначение в шугнано-рушанской языковой группе в этнолингвистическом освещении: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Ш.Ф. Зоолшоева. – СПб, 2005. – 23 с.

77. Ивина, Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учебно-методическое пособие / Л.В. Ивина. – М.: Академический проект, 2003. – 304 с.

78. Измайлов Ч. А. Психофизиология цветового зрения / Ч.А. Измайлов. – М., 1989.

79. Измайлов, Ч. А. Цветовая характеристика эмоций / Ч.А. Измайлов // Вестник МГУ, Сер. 14. Психология. 1995. – № 4. – С. 27 – 35.
80. Иमतшоева, М.Б. Выражение цветообозначения в разносистемных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.Б. Иमतшоева. – Душанбе, 2010. – 18 с.
81. Ионова, С.В. Особенности представления эмоциональных концептов в тексте / С.В. Ионова // Серия: Филология на рубеже тысячелетий / Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2000. – 280 с.
82. Исаева, Л.И. Семантические традиции цвета в культуре / Л.И. Исаева // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. – Екатеринбург. – 2005. – № 8.
83. Исомиддинов, А.И. Пределы наших возможностей / А.И. Исомиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 208 с.
84. Иссерлин, Е.М. История слова «красный» / Е.М. Иссерлин // Русский язык в школе. – 1951. – № 3. – С. 85 – 89.
85. Казейкина, А.Н. Символика цвета в устойчивых оборотах (на материале английского, испанского и русского языков) / А.Н. Казейкина // Вопросы филологии в школе и в вузе / Ч. 2. – Таганрог, 1999. – С. 30 – 33.
86. Кайбияйнен, А.А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык / А.А. Кайбияйнен. – Казань, 1996. – 193 с.
87. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
88. Карамшоев, Д. Шугнанско-русский словарь. Т.1. / Д. Карамшоев. – М. 1991. – 624 с.
89. Карамшоев, Д. Шугнанско-русский словарь. Т. 2. /Д. Карамшоев. – М., 1999. – 567 с.
90. Карамшоев, Д. Шугнанско-русский словарь. Т.3. /Д. Карамшоев. – М., 1999. – 613 с.

91. Карасик, И.В. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. / И.В. Карасик. – М., 2004. – 187 с.
92. Качаева, Л. Прилагательные обозначающие цвета произведениях А.И. Куприна/ Л. Качаева // Уч. зап. ДВГУ, 1968. – Т. XI.
93. Качаева, Л. Может ли голубой быть зеленым и розовым?/ Л. Качаева // Русская речь, 1984. – № 6. – С. 20 –25.
94. Киселёва, Л.Н. Очерки по лексикологии языка дари. /Л.Н. Киселёва. – М., 1973. – 163с.
95. Ковешникова, Е.В. Эстетическая значимость цвета: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.01.01) / Е. В. Ковешникова. – М., 1982. – 25 с.
96. Кожемякова, Е.А. Символика цветообозначений в романе Е. Замятина «Мы» / Е.А. Кожемякова // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 1997. – Кн.5. – С. 106 – 119.
97. Козлов, А.В., Девель Л. А. Практический словарь делового английского языка / А.В. Козлов, Л.А. Девель. СПб: Эрви, 1991. – С. 205.
98. Козлов, В.И. Самосознание этническое / В.И. Козлов // Народы России. – М.: Энциклопедия, 1994. – С. 37 – 42.
99. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
100. Косимов, О. Суффиксиальное словообразование имен существительных в “Шахнаме“ А. Фирдоуси: авт. канд. дисс. фил. наук: 10.02.22 /О. Косимов. – Душанбе,1988. – 24 с.
101. Кравков, С. В. Цветовое зрение / С.В. Кравков. – М., 1951.
102. Кругликова, Л.Е. Фразеологические сочетания с «цветовыми» прилагательными / Л.Е. Кругликова // Русский язык в школе, – №3, 1976. – С. 71 – 73.
103. Кульпина, В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: автореф. дисс. на соиск. учен.

- степ. докт. филол. наук (10.02.01) / Кульпина В.Г.: Рос. Ун-т Дружбы Народов. – М., 2003. – 31 с.
104. Кульпина, В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В.Г. Кульпина. – М., 2001. – 470 с.
105. Кульпина, В.Г. Характер человека сквозь призму цвета / В.Г. Кульпина // Россия и Запад: диалог культур. – М., 1996. – С. 40 – 47.
106. Қосимова, М. Н. Таърихи забони адабии тоҷик / М. Н. Қосимова. – Душанбе, 2012. – 568с.
107. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М., 1996.
108. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живём. Теория метафоры / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 1990. – С. 387 – 415.
109. Лихачев, Д.С. Искусство и наука / Д.С. Лихачев // Русская литература, 1992. – № 3. – С. 5 – 6.
110. Лихачев, Д.С. Концептосфера национального языка как воплощение концептосферы русского языка / Д.С. Лихачев // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1993. – № 1. – С. 39 – 45.
111. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН, сер. лит. и яз., 1993. – Т.52. – С. 31.
112. Люшер, М. Магия цвета / М. Люшер. – Харьков, 1996. – 432с.
113. Макаев, Э.А. Общая теория сравнительного языкознания / Э.А. Макаев. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
114. Макеенко, И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках / И.В. Макеенко // Античный мир и мы. – Саратов, 1997. – Вып. 3. – С.71 – 73.
115. Макеенко, И.В. Функциональные особенности цветовой лексики в русском и английском языках / И.В. Макеенко // Фил. этюды. – 1998. Вып. 2. – С. 130 – 133.
116. Макеенко, И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И.В. Макеенко. – Саратов, 1999. – 20 с.

117. Макеенко, И.В. Лексико-семантическая структура систем цветообозначения в русском и английском языках / И.В. Макеенко. – Саратов: СГУ, 2001, – 52 с.
118. Мамардашвили, М. К. Эстетика мышления. / М. К. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 410 с.
119. Мамардашвили, М.К. Проблема сознания и философское призвание / М.К. Мамардашвили // Вопросы философии. –№8, 1988. –С. 43 – 56.
120. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание / М.К. Мамардашвили, А.М. – Пятигорский. – 1998. – 224 с.
121. Маслова, А.Ю. Обозначение синего цвета в русском и сербском языках / А.Ю. Маслова // Филол. заметки, 1999. Т. 2. – С. 13 – 18.
122. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М., 2001.
123. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: Тетра Системс, 2005. – 256 с.
124. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. /Н. Маъсумӣ. – Сталинобод, 1959. – 294с.
125. Маъсумӣ, Н. Чаҳонбинӣ ва маҳорат / Н. Маъсумӣ. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 267с.
126. Мингазова, Н.Г. Сопоставительный анализ категории числа имен существительных в английском и арабском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.Г. Мингазова. – Казань, 2004. – 26 с.
127. Миронова, Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии / Л.Н. Миронова. – М., 1993. – С. 38 – 46.
128. Михайлова, Т.А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения / Т.А. Михайлова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. –С. 118 – 128.
129. Москович, В.Л. Семантическое поле цветообозначений (опыт типологического исследования семантического поля): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19./ В.Л. Москович. – М., 1965. – 18 с.

130. Мостепаненко, Е. М. Свет в природе как источник художественного творчества // Художественное творчество. – М., 1986. – С. 76 – 83.
131. Мухаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Мухаммадиев. – Душанбе, 1993. – 247с.
132. Мухторӣ, Қ. Хусусиятҳои луғавӣ ва услубии ашъори Рӯдакӣ/ Қутбиддин Мухторӣ. – Душанбе, 2006. – 129с.
133. Наджотов, А.А. Таджикско-персидские заимствования в сочинениях по арабскому языкознанию: на основе книги ас-Суюти «ал-Музхир»: Автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.02.22 / А.А. Наджотов. – Душанбе, 2011. – 27 с.
134. Назарзода, С. Ташакули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсии забони тоҷикӣ дар садаи XX / С. Назарзода. – Душанбе: Дониш, 2004. –302с.
135. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. Назирова. – Душанбе, 2009. – 134 с.
136. Никольский, Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие / Л.Б. Никольский // Язык и общество. – М.: Наука, 1968. – С. 111 – 124.
137. Норманская, Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках / Ю.В. Норманская. – М., 2005. – 326 с.
138. Ҳасанов, А. Дурри дарёи дарӣ ва шеваи шимолӣ / А. Ҳасанов. – Хучанд, 1999. – 111с.
139. Озхан Ф. Лексико-семантические группы прилагательных со значением цвета в русском и турецком языках (лингво-культурный аспект) / Ф. Озхан // И.В. Бодуэн де Куртенэ: ученый, учитель, личность. – Красноярск, 2000.
140. Охониезов, В.Д. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа. – М.: Наука, 1987. –719с.
141. Парандовский, Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни: Пер. с польского / Я. Парандовский. – М.: Правда, 1990. – 656 с.

142. Пауль, Г. Принципы истории языка. Перевод с немецкого / Г Пауль. – М., 1960. – 496 с.
143. Петрова, А.А. Метаязыковая аспектность модальных отношений в процессе перевода (на материале морской терминологии русского и английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.А. Петрова. – Краснодар, 1999. – 24 с.
144. Расторгуева, В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров / В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1962. – 188с.
145. Рахилина, Е.В. О концептуальном анализе / Е.В. Рахилина // Язык и когнитивная деятельность. – М., 1989. – С. 142 – 149.
146. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика, вып. 36, 1998. – С. 274 – 324.
147. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Азбуковник, 2010.
148. Ребрушкина, И.А. «О термине «термин» / И.А. Ребрушкина // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. Труды и материалы. – Казань, КГУ, 2004. – С. 79 – 80.
149. Рок, И. Введение в зрительное восприятие./ И. Рок. – М., 1980. – 173 с.
150. Руделёва, О.А. Существительное и его семантико-грамматические классы (на материале поэзии А. Вознесенского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.02.01) / Руделева Ольга Алексеевна. – Саратов, 1990. – 14 с.
151. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1972. – 77 с.
152. Сабзаев, С. Лексика таджикско-персидского памятника XI века "Кашфул-махджуб": автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.02 / Саидкул Сабзаев. – Душанбе, 1982. – 23с.
153. Саймиддинов, Д. Пажӯҳишҳои забоншиносӣ / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2013. – 207с.

154. Саломов, А.Дж. Адаптация арабских заимствований в таджикском языке (по материалам «Воспоминание» Садриддина Айни): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.22 / Саломов Аскар. – Душанбе, 2010. – 26с.
155. Светличная Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Т.Ю. Светличная. – Пятигорск, 2003. – 17с.
156. Серебренникова, Н.Г. «Механизмы эпитета»: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.01) / Серебренникова Надежда Геннадьевна; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2000. – 20с.
157. Сияров, А. лексико-семантические изменения арабских заимствований в современном дари и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08/ Сияров Ахмад. – Тбилиси, 1988. – 20 с.
158. Собчик, Л.Н. Метод цветowych выборов: Модифицированный цветовой тест Люшера: Метод. Руководство / Л.Н. Собчик. – М., 1990. – 75 с.
159. Солнцев, В.М. Язык как структура образования / В.М.Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 340 с.
160. Соловьёв, С.М. Цвет, число и русская словесность / С.М. Соловьёв // Знание сила, 1971. – С. 54 – 59.
161. Сорохан, Г. М. Колоратив чорний у фразеології як вияв ментальності нації. – Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича, Україна. – 2010.
162. Степанов, Ю. С. Язык и метод: к современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: ЯРК., 1998. – 169 с.
163. Суперанская, А.В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – С. 3 – 24.
164. Таджикиев, Д. Слово «об» (вода) в современном таджикском языке / Д. Таджикиев // Тр. ИЯ АН СССР. – М., 1952. – Ч. I. / – С. 120 – 153.

165. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Слово, 2000. – 264 с.
166. Толикина, Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. / Е.Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: 1970. – 161 с.
167. Тонквист, Г. Аспекты цвета. Что они значат и как могут быть использованы / Отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж // Проблема цвета в психологии. М.: Наука, 1993. – С. 5 – 53.
168. Улльман, С. Семантические универсалии / С. Улльман // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250 – 299.
169. Уорф, Б.Л. «Отношение норм поведения и мышления к языку» / Б.Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике, вып. №1, «Издательство иностранной литературы», – М., 1960. – 462с.
170. Уорф, Б.Л. Лингвистика и логика / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып.1 – М.: Прогресс. 1960. – С. 63 – 75.
171. Упорова, С. О. Методологии анализа цвета в художественном тексте / С.О. Упорова // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 4. – С. 52.
172. Упорова, С.О. Методологии анализа цвета в художественном тексте / С.О. Упорова // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 4. – С. 52 – 61.
173. Уфимцева, Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения / Н.В. Уфимцова // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983. – С. 140 – 180.
174. Файзуллаева, Р. Национальный колорит и художественный перевод / Р. Файзуллаева. – Ташкент. Фан. 1979. – 112 с.
175. Флоренский, П. А. Иконостас / П.А. Флоренский. // Избранные труды по искусству. – СПб.: Мифрил – Русская книга, 1993. – С. 309 – 316.
176. Фрумкина, Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Отв. ред. В. Н. Телия / Р.М. Фрумкина. – М., 1984. – 143с.

177. Хохулина, А.Н. Лингвопоэтика Иннокентия Анненского (динамический аспект описания): автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.01) / Хохулина А.Н.; С-Петербур. гос. ун-т. СПб., 1997. – 18 с.
178. Хусейнов, Х. Калимаи сурх / Х. Хусейнов. // Мактаби советй. – Душанбе, 1971. №5. – С. 27 – 29.
179. Хьюбел, Д. Глаз, мозг, зрение / Д. Хьюбел. – М., 1990.
180. Цойгнер, Г. Учение о цвете / Г. Цойгнер. – М., 1971. – 192 с.
181. Чернейко, Л.О., Долинский, В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский // Вестник МГУ. Серия 8. Филология, № 6, 1996. – С. 20 – 21.
182. Чесноков, П.В. Активность человеческого познания и язык / П.В. Чесноков. Филология на рубеже тысячелетий / Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 2000. – 192с.
183. Чесноков, П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления / П.В. Чесноков. – М., 1967. – 191 с.
184. Чеснокова, Л.Д. О взаимодействии лексико-семантических, морфологических и синтаксических явлений при актуализации значений слов / Л.Д. Чеснокова // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на-Дону, 1971. – С. 13 – 21.
185. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – М.: 1941. – 288 с.
186. Швецова, В.М. Индивидуально-авторские конструкции в системе расширения русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ В. М. Швецова; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2000. – 26 с.
187. Шемякин, Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его значение) / Ф.Н. Шемякин // Мышление и речь. Известия АПН РСФСР. М., 1960. – Вып. 13. – С. 5 – 48.
188. Шкуркина, Ю.А. Семантическая доминанта цветообозначений в структуре художественных текстов А. Блока / Ю.А. Шкуркина // Актуальные проблемы лингвистической семантики. – Калининград, 1998. – С. 95 – 101.

189. Шмелев, Д. Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка /Д. Н. Шмелев. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. XXI, вып. 5, 1962. – 419 с.
190. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика /Д. Н. Шмелев. – М.: Высшая школа, 1977. – 253 с.
191. Шукуров, Ш.М. “Шахнаме” Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция / Ш.М. Шукурова. – М.: Наука, 1983.
192. Шукурова, К. Рангхо / К. Шукурова. – Душанбе, 1977.
193. Щерба, Л.В. Современный русский литературный язык. Изб. Работы по русскому языку /Л.В. Щерба. – М., 1957. –126 с.
194. Эмомалӣ, Раҳмон. Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба муносибати рӯзи забон, 22 июли соли 2008 / Раҳмон Эмомалӣ // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ва сиёсати давлатӣ дар бораи забон. – Душанбе: Шарқи озод, 2011. – 212с.
195. Юдина, О.В. Специфика функционирования прилагательного – цветообозначения «румяный» в культурно-историческом аспекте / О.В. Юдина // Актуальные проблемы лингвистической семантики. – Калининград, 1998. – С.101 – 105.
196. Юркина, Л.Н. Символика света и цвета в повести А.И. Куприна «Поединок» / Л.Н. Юркина // Цвет и свет в художественном произведении. – Сыктывкар, 1990. – С. 36 – 45.
197. Яньшин, П.В. Эмоциональный цвет / П.В. Яньшин. – Самара, 1995.
198. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка / В.Н. Ярцева. - М., 1968. – 271 с.

Литература на иностранных языках

199. Adams F.M., Osgood Ch.E. A cross-cultural study of the affective meanings of color // J. of cross-cultural psychol. 1973. pp. 135 – 156.
200. Bentler P. M., La Voie A. L. An extension of semantic space. – J. of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1972, v. 11, pp. 491– 496.

201. Berlin B., Kay P. Basic color terms. Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, Uca-Press. 1969.
202. Bierwisch M. Formal and lexical semantics // Prog, of, the XXI-th International Congress of Linguists, August 29 September 4, 1982. – Tokyo, pp. 122 – 136.
- Birren. Faber, Color and Human Response. – New York, Van Nostrand Reinhold Company, 1978, – 35 p.
203. Bierwisch M. On certain problems of semantic representations // Foundations of language. 1969, pp. 153 – 184.
204. Bujas Z. Grafic form of Osgood s semantic differential // Acts Institute Psychologici. 1967. V.49 – 63
205. Common American Phrases in everyday contexts: Richard A. Spears. – National Textbook Company, USA, 1975, – 276 p.
206. Hofstede Y. National cultures Revisited // Behavior Science Research. – 1983. – Vol.18. – N0.4, pp. 285–305.
207. Hubert H. Setzler JR. Basic idioms in American English. Book I., 1996. – 118 p.
208. Hubert H. Setzler JR. Basic idioms in American English. Book II., 1996. – 298 p.
209. Lakoff Robin. Language and women's Place // Language in Society, 1973, N 2, pp. 45 – 79.
210. Sapir E. Conceptual categories in primitive language. – New York, 1964. – 578 p-s.
211. Saunders B. A., & van Brakel, J. (1997). Are there nontrivial constraints on colour categorization? Behavioral and Brain Sciences, 20(2), pp. 167 – 228.
212. Simpson, Jean, Tarrant, Arthur W. S. Sex- and Age-Related Differences in Colour Vocabulary // Language & Speech. Academic Journal Vol. 34 Issue 1, pp. 57 – 72.
213. Troland, L.T. Report of committee on colometry// J. Opt. Soc. Amer., 1922.
214. Williams J.E., Foley J.W. Connotative meanings of color names and color hues // Pers. & Motor Skills. 1968. 26, pp. 499 – 502.

Словари

215. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Ком. Книга. 2006. – 576 с.
216. Бауэр, В. Энциклопедия символов. М., 1997. – 512 с.
217. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского. – М., 1985. – 560 с.
218. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
219. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990, – С. 235
220. Руднев, В.В. Словарь культуры XX века / В.В. Руднев. –М.: Аграф, 1997. – 384 с.
221. Русско-таджикский словарь / Под ред. М.С. Асимова. – М.: Русский язык, 1985. – 1280 с.
222. Стефанов, С.И. Энциклопедия: полиграфия от А до Я, 2009. –560 с.
223. Сулаймонӣ, С. Фарҳанги арабӣ–тоҷикӣ. Ҷ.1 / С. Сулаймонӣ. – Душанбе: "Эр-граф", 2005. – 1050 с.
224. Сулаймонӣ, С. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ. Ҷ.2 / С. Сулаймонӣ. – Душанбе: "Эр-граф", 2005. – 1208 с.
225. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1 / Дар зери таҳрири М. Шукуров / Фарҳанги забони тоҷикӣ. – М.: Сов.энциклопедия, 1969. – 950 с.
226. Фарҳанги забони тоҷикӣ.Ҷ.2 / Дар зери таҳрири. М. Шукуров / Фарҳанги забони тоҷикӣ. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 952 с.
227. Фарҳанги мухтасари "Шохнома" муратиб: И. Ализода / Фарҳанги мухтасари "Шохнома". – Душанбе: Адиб, 1992. – 496 с.
228. Хусейнов, Х., Шукурова, К. Луғати терминҳои забоншиносӣ / Х. Хусейнов, К. Шукурова. – Душанбе: Маориф, 1983. – 255 с.
229. Энциклопедия: Символы, знаки, эмблемы. В.Э. Багдасарян. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – 494 с.

230. Concise English-English / English-Persian Dictionary, compiled, translated and edited by Mohammad-Reza Ja'fari. Typeset and prepared by Nashr-e Now Lexicography Centre, Tehran, 2001, 1508 pp.
231. Dictionary of Acronyms and Abbreviations: Richard A. Spears. – National Textbook Company, USA, 1975, 311 pp.
232. Dictionary of American Slang and colloquial expressions: Richard A. Spears. – National Textbook Company, USA, 1975, 528 pp.
233. Dictionary of Phrasal Verbs and other idiomatic phrases: Richard A. Spears. – National Textbook Company, USA, 1975, 873 pp.
234. Dictionary of Proverbs and their origins: Linda and Roger Flavell. – Great Britain, 1997, 273 pp.

Список источников практических примеров

235. Ахматова, А. Вечер. Четки. Белая стая. Бег времени. – М.: Эксмо, 2008.
236. Белый, А. Стихотворения и поэмы. – М.: Эксмо, 2008.
237. Гумилёв, Н. Романтические цветы: Стихи. – М.: РОСМЭН, 1908.
238. Сергеев-Ценский, С.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 2. – М.: Правда, 1967. 284с.
239. Ходасевич, В. По бульварам. Из поэтического наследия. – М.: Центр-100, 1996.
240. Шарлотта Бронте. Джен Эйр. / Перевод с английского В.Станевич. – М.: Правда, 1988. – 256 с.
241. Шарлотта Бронте. Цейн Эйр /Роман/. (Тарҷ. аз русӣ Салими Зарафшонфар). – Душанбе, ТҶБ «Истиқбол», 2010, – 412 с.
242. Раҳим Ҷалил. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.1. – Душанбе, Адиб, 1988. – 303с.
243. Чалол Иқромӣ. Двоздаҳ дарвозаи Бухоро. Ҷ.2. – Душанбе, Ирфон, 1969. – 475с.
244. Charlotte Bronte. Jane Eyre. Edited with an introduction by M.Smith. Oxford University Press, 1975. 496 pp.
245. Fitzgerald, F.S. The Great Gatsby. DNIPRO Publishers, 1973.

246. Graves, R. The White Goddess. Orion Publishing, 1995.
247. Grigson, G. Gambit Book of Love Poems. Inc Pubns, 1975.
248. Masefield, J. Song ... poem by J. Masefield. Augener, 1922.
249. Maugham, S. Theatre. Sibirskoe univer. izd-vo, 2006.
250. Moore, M. Poems by Marianne Moore. The Johns Hopkins University, 2006.
251. Murdoch, I. The sea, the sea. Penguin Group, 2001.
252. Wilde, O. The collected works of Oscar Wilde. Wordsworth Editions, 1997.

Электронный ресурс

253. Андреева, К.А., Тимофеева, А. Лингвоцветовая картина мира и диалог культур. <http://www.utmn.ru/frgfiTSrol1/text07.htm>
254. Анненский, И. Трилистник Победный. www.poetry-classic.ru/annenskiy30.html
255. Блок, А. www.stihi-rus.ru/l/Blok/131.htm
256. Брокгауз, Ф.А. и Эфрон, И.А. Энциклопедический словарь: В 86 т. – СПб.: Издат. общ., 1903. – Т. XXXVI. <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>
257. Брюсов, В. www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=11078
258. Бунин, И.А. maxima-library.org/knigi/knigi/bl/series/18854?date=
259. Крылов, И.А. Крестьянин и Лисица. rvb.ru/18vek/Krylov/01text/vol3/01fables/092.htm
260. Лермонтов, М.Ю. [https://ru.m.wikisource.org/wiki/Соседка-\(Лермонтов\)](https://ru.m.wikisource.org/wiki/Соседка-(Лермонтов))
261. Лермонтов, М.Ю. Княжна Мери. www.mlermontov.ru/book/606/
262. Майков, А. www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=14312
263. Пушкин, А.С. rvb.ru/pushkin/01text/03fables/0800.htm
264. Твардовский, А.В. По дороге на Берлин. www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2715&public_page=34
265. Толстой, Л. Н. Анна Коренина. www.ilibrary.ru/text/1099/p.../index.html
266. Тютчев, Ф. И. Неохотно и несмело. www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/142.html

267. Федин, К. www.google.com.tj/url?q=http://mreadz.com/read-66044/p172
268. Dalton, J. A new system of chemical philosophy. – London, 1808. – 604 p-s. <https://archive.org/details/newssystemofchemi01daltuoft>
269. Dickens, Ch. www.pagebypagebooks.com/Charles_Dickens/The_Cricket_on_the_Hearth/II_Chirp_The_Second_p1.html
270. Fitzgerald, F.S. The Great Gatsby. <https://www.cliffsnotes.com/literature/g/the-great-grastby-/book-summary>
271. Graves, R. <https://books.google.com.tj/books?isbn=0333447425>
272. Masefield, J. www.loyalbooks.com/download/text/Haunted-Hour.txt
273. Maugham, S. Theatre. www.etextlib.ru/Book/Details/38637
274. Melville, H. The Piazza. <https://books.google.com.tj/books?isbn=0810105500>
275. Moore, M. www.blueridgejournal.com/poems/mm-spenser.htm
276. Murdock, I. www.rulit.me/books/the-sea-the-sea-read-248075-110.html
277. Wilde, O. www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/LorArt.shtml
278. <http://www.big-library.info/?act=read&book=11541&page=3>
279. <http://www.glossary.ru>
- 280.** <http://fa.m.wikipedia.org/wiki>
281. <http://www.centralasiacultures.com/tajikistan>
282. <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-reprezentatsiya-tsvetalingvokulturologicheskii-aspekt#ixzz4033Z42QK>
283. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/mass_psih.php
284. <http://www.thelovelyplanet.net/traditional-dress-of-tajikistan/>
285. <http://www.thefreedictionary.com/colour>
286. www.wikipedia.foundation